

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 128, май 2025

ВОЙНА ПОШЛИН И ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ

Понятие *экономической войны* всегда было частью нашей революционной теории империализма. Ленин писал, что в противостоянии между центрами империализма чередуются и сочетаются *формы борьбы*, но не её суть, заключающаяся в *разделе мира*. Этот раздел происходит по силе, которая меняется в зависимости «от экономического и политического развития». Для того чтобы понять суть империалистической борьбы, «*надо знать, какие вопросы решаются изменениями силы, а есть ли это – изменения «чисто» экономические или внешнеэкономические (например, военные), это вопрос второстепенный*».

Так называемый «*День освобождения*», провозглашённый Дональдом Трампом из «Розового сада» Белого дома 2 апреля, стал своего рода *объявлением экономической войны*.

Торговая война, или война пошлин, – наиболее распространённая формулировка. *Война капиталов* или *финансовая война* – уже объявленная или пока только угрожающая в перспективе – стала предметом обсуждения после резкого разворота в политике Трампа, вызванного появлением напряжённости вокруг казначейских облигаций США – инструмента, с помощью которого Вашингтон финансирует свой государственный долг. Японские источники рискнули назвать её «*тринадцатчасовой войной*», подчеркнув стремительность, с которой указы Трампа спровоцировали реакцию финансовых рынков.

Термин «*трампитский шок*», появившийся в некоторых комментариях, отсылает нас к «*никсоновскому шоку*» 1971 года – моменту, когда президент США разорвал Бреттон-Вудские соглашения о конвертируемости доллара и ввёл временные 10-процентные тарифы, чтобы заставить другие державы переоценить свои валюты. *Шок Никсона* и *шок Трампа* представляют собой два кризисных эпизода с разной спецификой, но общей сутью: в обоих случаях мы видим резкую, одностороннюю реакцию на этапы *относительного упадка США*.

Ряд тезисов, всплывших в связи с текущим сражением, заставляют вспомнить и о других формулах. Концепция *войны по выбору* американской администрации почти прямо следует из аргументации Росса Даутэта, консервативного обозревателя *New York Times*. Белый дом сознательно идёт на упреждающую «*дестабилизацию*», нарушение соглашений и институтов, регулирующих глобальные экономические отношения – пока позиции США ещё не ослабли окончательно. Можно сказать, что на фронте *экономической войны* это – проявление той самой «*ловушки Фукидида*», о которой так много говорили в последние годы применительно к отношениям между угасающим Вашингтоном и набирающим силу Пекином: США якобы решили нанести удар сейчас, пока баланс сил ещё не окончательно изменился не в их пользу.

Такое понимание, в сочетании с концепцией «*войны за время*», позволяет провести аналогию с предыдущей *войной по выбору* – военным конфликтом, начатым в 2003 году Джорджем Бушем в Персидском заливе, когда Штаты безуспешно попытались пресечь китайское влияние в регионе.

Фактор *времени* вновь выходит на первый план в понятии *блицкрига*, предложенном

гонконгской *South China Morning Post*: Трампу нужны быстрые победы, он не может позволить себе *войну на истощение*. В других интерпретациях противостояние между Китаем и США сводится к вопросу о том, чья экономическая система дольше выдержит напряжение. Ситуация вокруг американских казначейских облигаций продемонстрировала, что именно долг является ахиллесовой пятой внутреннего бюджетного компромисса в США: он настолько зависит от непрерывного и массивного притока зарубежного капитала, что любое его прерывание может быть фатальным. Китай же не спешит соглашаться на переговоры именно потому, что, по его оценке, хаотичная неразбериха в Вашингтоне только обнажает эту структурную уязвимость Штатов.

Тема *войны на два фронта*, в смысле невозможности для США одновременно поддерживать *две войны* – на европейском и азиатском фронтах, – проявляется в интерпретациях, пытающихся найти рациональное зерно в действиях Трампа: якобы он стремится через уговоры или угрозы найти компромисс с Европой, чтобы получить её в союзники против Китая. Кэтой точке зрения примыкают и версии, согласно которым ЕС хотел бы иметь возможность использовать свои рычаги влияния, играя на своём авторитете, чтобы пересмотреть как союз с Вашингтоном, так и отношения с Пекином.

Наконец, *Le Monde* и *Financial Times* используют образ *тумана войны* Карла фон Клаузевица, чтобы описать всю сложность оценки череды противоречивых наступлений и отступлений США на фоне заявлений президента, увязшего в нелепом бахвальстве собственной силой, в то время как его слабость становится всё очевиднее. *Wall Street Journal* идёт ещё дальше и предсказывает Трампу «*момент Миттерана*», имея в виду резкую смену курса, к которой президент Франции был вынужден прибегнуть: после победы на выборах в мае 1981 года с *кейнсианской* программой расширения расходов, уже в марте 1983 года он перешёл к плану жёсткой экономии, чтобы сохранить Францию в европейской валютной системе.

В условиях *тумана войны* возможны лишь предварительные соображения. Первое – это то, что вопрос об *относительном американском упадке*, вплоть до состояния *хрупкости*, вызванной задолженностью, неизбежно становится доминирующей темой кризиса. Второе – это то, что для Европейского Союза, наряду с ускорением перевооружения, открывается пространство для политики *атлантической мновекторности*. То есть речь идёт не о Европе как *третьей силе*, свободной от любых альянсов, – этот сценарий не вызывает консенсуса среди 27 стран-членов ЕС и даже не входит в повестку Парижа, – а о ЕС, который наряду с паритетными отношениями с США выстраивает разнонаправленные связи с другими державами и регионами: с Китаем, но также с Индией, Японией и зоной Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве (СРТПП), АСЕАН и Меркосур. Это могло бы действовать против американской односторонности, и в то же время уравновешивать китайское влияние. Чтобы в этот курс вписалось и российское направление – как это было в случае с *поч-*

ти альянсом между Берлином и Москвой на основе газопроводов, – необходимо решить двойную стратегическую головоломку. Перевооружение Европы должно гарантировать безопасность стран Северной и Восточной Европы – Балтики, Польши и других государств, чьё тяготение к атлантизму обусловлено антироссийскими настроениями. Однако такое изменение баланса сил вызовет ответную реакцию Москвы. В новых условиях *трансатлантической взаимности* США пришлось бы смириться с некоторым сближением ЕС и России. Но Вашингтон, согласно своей стратегической догме, всегда выступал против такого сценария. Тем не менее, факт остаётся фактом: на фоне возможного урегулирования на Украине французские и немецкие промышленные группы уже обсуждают идею возрождения *энергетического Рапалло*, пусть и в урезанном виде – 70 миллиардов кубометров газа в год вместо 150 миллиардов довоенных потоков.

Третье соображение касается Японии, где реакция на объявленную Трампом *экономическую войну* оказалась особенно острой и болезненной. Здесь имеет значение отсутствие континентального масштаба: Япония является «*островным государством*» с ограниченными природными ресурсами, как отмечает бывший премьер Фумио Кисида, действующий по поручению Сигэру Исибы. В отличие от США, Европы и Китая, у неё нет опоры на «*большой внутренний рынок*», поэтому сохранение многостороннего порядка для

неё – это вопрос выживания. Отсюда – стремление к сближению со странами Индо-Тихоокеанского региона и с ЕС, вера в то, что Япония может быть «*балансирующей силой между США и Китаем*», и что она способна обуздать Вашингтон, вселив в него сомнения: вдруг «*США могут проиграть*» в противостоянии с глобальной коалицией сторонников свободной торговли. Эта линия перекликается с позицией Урсулы фон дер Ляйен.

Не настолько уверен в этом Куни Мияке, бывший советник Синдзо Абэ и самого Кисиды: он предлагает куда более мрачную интерпретацию интуитивных шагов Трампа. По его мнению, это попытка повернуть вспять промышленный упадок, подрывающий способность США к военному сдерживанию Китая. В данном случае *торговая война*, хотя и «*опрометчивая*» с точки зрения риска ответной *финансовой войны*, пожалуй, может быть понята как «*интуитивный*» переход к *промышленной войне* – в защиту возможностей сдерживания в *настоящей войне*. Глобальный хаос не входит в намерения Трампа, но он будет «*результатом отчаянных усилий*» по подготовке к такому сценарию.

Таким образом, круг *форм борьбы* за империалистический раздел замыкается. В какой бы форме она ни продолжалась, *война пошлин* уже стала частью *войны кризиса порядка*.

Lotta comunista, апрель 2025 г.

1 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 27. С. 373.

Содержание

ВОЙНА ПОШЛИН И ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ	стр. 1
Времена ленинистской конкретности	стр. 2
<i>Ускорение кризиса порядка и задачи революционеров</i>	
Плодотворные времена для классовой партии	стр. 3
Атлантический кризис и европеизация НАТО	стр. 4
Предупредительный выстрел по госдолгу США	стр. 5
Единство и раскол в наследии Хорхе Бергольо	стр. 6
<i>Европейские хроники</i>	
Берлин ускоряется при поддержке Парижа и Лондона	стр. 7
Читая Ленина	стр. 8
Демография и революция	стр. 9
<i>Гиганты Азии: 70-летие Бандунгской конференции</i>	
Неуклюжее танго Слона и Дракона	стр.10
<i>Новое издание "Государства и революции"</i>	
Государство и кризис порядка	стр.11
<i>Хроники нового американского национализма</i>	
Штаты и суды уравнивают Трампа	стр. 12
<i>Хроники нового американского национализма</i>	
"The Wall Street Journal" выбирает дозированную оппозицию Трампу ...	стр.13
<i>Промышленность и фармацевтика</i>	
Наука против времени	стр. 14
Токио сотрясает война тарифов	стр.15
Смелость быть убитым	стр. 16
СУТЬ МОМЕНТА	стр. 16

Страницы истории рабочего движения

Всеобщая забастовка и социал-демократия	стр. I
Империалистические мутации немецкого социализма	стр. II
Теория и практика	стр. III
Доктринёрство второго поколения	стр. IV

Времена ленинистской конкретности

Мы публикуем написанную почти сорок лет назад статью Арриго Черветто, поскольку она является образцом марксистского метода, связывающего анализ капиталистического развития и социальных изменений с задачами революционного меньшинства.

Анализ капиталистического развития в Италии и его конкретных форм в период «экономического бума» 1955–1963 годов был одной из ключевых задач в борьбе за утверждение ленинистской концепции партии-стратегии и преодоление бесплодной пропагандистской оппозиции оппортунизму.

Первый итог этого анализа был подведён в статье «Оппозиция Её Величества – левый центр», опубликованной в майском номере *Azione Comunista* 1963 года.

Основными социальными изменениями того времени, с одной стороны, были повсеместный процесс разложения крестьянства и сопровождавшая его депопуляция деревни, с другой – нарастающая пролетаризация.

Утверждалось, что эти процессы развивались с такой силой, «что опрокинули те самые реакционные мелкобуржуазные позиции, на которых держался фронт, объединявший самые различные силы вплоть до ИКП».

Перед лицом этих глубоких сдвигов ИКП предстала в двух обличьях: с одной стороны, как государственно-капиталистическая сила, связанная с более динамичной моделью экономики, продвигаемой с помощью сталинистской идеологии; с другой стороны, как реакционная сила (в смысле торможения роста производительных сил), сопротивлявшаяся распаду мелкой крестьянской буржуазии.

«Этой процесс, – писали мы тогда, – началась вопреки реакционной позиции оппортунизма, вопреки аграрной политике «бономианцев»¹ и ИКП».

Процесс капиталистической концентрации одерживал историческую победу над мелким производством. Сближение в этой борьбе течений христианских демократов и ИКП выражало интересы буржуазных и мелкобуржуазных фракций, а вовсе не было результатом идейного союза.

При этом подчёркивалось, что процесс разложения крестьянства «всё ещё находится на промежуточной стадии и по целому ряду причин не достиг своей высшей интензивности. Миллионам крестьян ещё предстоит покинуть село».

Оппортунизм, как было замечено, мог лишь временно затормозить эти изменения, используя случайные кризисы, но процесс, описанный в общих чертах научным анализом Маркса, утвердился бы неизбежно.

Так и произошло. За десятилетие с 1951 по 1961 год число занятых в сельском хозяйстве – как постоянных, так и сезонных работников – сократилось примерно на 2,4 млн человек. В следующем десятилетии этот процесс неумолимо развивался: аграрный сектор потерял ещё 2,6 млн занятых.

Наш анализ стихийной борьбы рабочих был связан с этой масштабной социальной трансформацией. Максимум же, напротив, романтизировал стихийность, приписывая ей револю-

ционное содержание, которого в ней не было и не могло быть, обрекая себя на бессилие фантазий и последующее разочарование в утраченных иллюзиях.

С марксистской точки зрения, поражение оппортунизма перед лицом законов капиталистической экономики имело серьёзное политическое значение. Мы напоминали, что «в своей пропаганде, в самооправданиях, в бесконечной полемике против марксистов и революционеров оппортунизм выдаёт себя за «конкретную» силу, способную «влиять» на действительность и «изменять» её».

Именно столкновение с действительностью продемонстрировало несостоятельность этой мнимой оппортунистической «конкретности».

Оппортунизм не формирует логику развития производительных сил, а напротив – сам подчиняется ей. Он пытается изменить механизм накопления, но лишь приспосабливается к нему. Он стремится встать у руля капиталистической машины, но становится её пятым колесом. Он провозглашает себя авангардом, но всегда оказывается плетущимся в хвосте стихийного капиталистического развития, которое его затягивает и разрушает. Он претендует на то, чтобы реформировать, планировать, оседлать буржуазную экономику, но на деле становится её жалким Росинантом.

Был поставлен вопрос о методе: может ли революционное рабочее движение изменить законы экономики?

Ответ был однозначный: «Борьба рабочих не может «изменить» ход экономических законов капитализма – за исключением момента революционного слома».

Это утверждение не было и не является самоочевидным. Сторонники стихийности и посредничества часто пытались свести счёты с реформизмом, обвиняя его в том, что он «много говорит», но «ничего не делает», что он «не действует», что у него нет «политической воли».

Но социальные изменения не происходят по воле революционеров, их нельзя остановить, если того пожелают реформисты. На почве волюнтаризма рабочее движение обречено на поражение. Настоящая воля милитанта – это воля, подчинённая дисциплине стратегии, а не её имитация, обманывающей саму себя.

Вне условий революционного кризиса – то есть кризиса как экономического базиса, так и политической надстройки – классовое движение революционной направленности не может пассивно дожидаться, пока капитализм завершит свой цикл. Как действовать конкретно?

«Старина Маркс, – отвечали мы тогда, – наметил очень ясную программу «практических» и «конкретных» действий [...]: борьба за сокращение рабочего дня и борьба за повышение заработной платы. Классовая борьба, следующая этому стратегическому плану, действительно «влиять» на капиталистическую действительность и на самом деле «изменяет» отношения между постоянным и переменным капиталом».

Под давлением этой борьбы капиталист будет вынужден повышать технологический уровень, чтобы компенсировать рост стоимости рабочей силы.

Результатом станет повышение органического строения капитала, усиление концентрации производства, рост безработицы и формирование более сплочённого и боевого рабочего класса. Капитализм, под давлением борьбы рабочих,

будет стремиться к концентрации всех своих отраслей и сокращению доли прибавочной стоимости, предназначенной для мелкой буржуазии, процента и ренты – и таким образом ещё ярче выявит свои внутренние противоречия.

Эта схема, набросанная Марксом и развёрнутая Лениным в работе 1905 года «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и в «Апрельских тезисах» 1917 года, обозначает направление развития для революционной партии, которая «использует и берёт под контроль стихию экономической борьбы [...] в стратегии, подготавливающей «скачок» и «слом самого слабого звена» в империалистической цепи».

В этой модели партия действует в рамках объективных тенденций, стратегически осозная, что классовая борьба является мощным двигателем развития производительных сил и фактором борьбы между буржуазными фракциями.

Пролетаризация в Италии совершила тогда количественный и качественный скачок. Мы отмечали, что число наёмных работников выросло с 8,4 млн в 1954 году до 10,2 млн в 1961 году – из общего числа 19,9 млн занятых в экономике.

Во всех регионах быстрый рост пролетариата происходил за счёт молодёжи и женщин. Аграрный пролетариат благодаря механизации всё больше приближался по своему характеру к промышленному.

Особо подчёркивалось появление ещё двух форм этого процесса: «увеличение доли «белых воротничков» и распространение наёмного труда на третичный сектор экономики».

Мы рассматривали эти два явления как составляющие единого процесса пролетаризации. Это был тезис, шедший вразрез с модными идеями того времени. Указывалось, в частности, что «в 1956 году возникла волна оппортунизма назвала эти явления проявлением роста некоего неопределённого «среднего класса» [...]. Таких теорий бесконечное множество – их выдвигают как провозгласившая наступление неокapитализма ИСП, так и ИКП, а также различные мелкие группы».

Марксисты всегда проводили различие между объективным положением классов и их субъективными, идеологическими представлениями. В определённые слои рабочего класса проникали мелкобуржуазный менталитет, образ жизни и поведение, распространялась социал-демократизация.

Ленинистская партия не отдаёт эти отряды нашего класса в филистерский расплав, называемый «средним классом», а делает их арендой идейно-политической борьбы.

Формы пролетаризации рассматривались в рамках всеобщей линии капиталистического развития, которая «не могла не следовать англосаксонской модели». В частности, мы утверждали, что итальянский капитализм пойдёт по пути капитализма США – главной восходящей державы и прогрессивного образца для отстающих обществ, подобно тому как Англия была таковой во времена Маркса. Оппортунисты всегда отвергали этот научный подход, предпочитая подчёркивать национальную специфику, но не для того, чтобы уловить конкретные формы всемирного процесса, а чтобы отрицать действие всеобщих экономических законов.

Какие последствия имела пролетаризация для политической надстройки? Теории стихийности и механицизма давали упрощённый ответ, исходя из мнимой зависимости между ростом пролетаризации и антикапиталистической борьбой: чем больше пролетариат – тем больше революций.

Наш подход – диалектический. Мы утверждали: «Чем больше накапливается «горючего материала революции»², тем активнее реформистские партии пытаются утопить его в море демократии, электорализма и парламентаризма». В этом отношении левоцентристские партии не были чем-то новым. Они представляли «экономическую политику крупного частного и государственного капитала, нацеленную на расширение внутреннего и внешнего рынков в рамках плана, который предусматривал при помощи «передаточных ремней» – профсоюзов и блока ИДСП³–ИСП–ИКП – проведение интенсивной реформистской политики в отношении растущего по численности пролетариата».

ИКП могла выполнять эту роль сдерживающей дамы также благодаря своему политическому и отчасти экономическому доминированию в трёх центральных регионах с большой долей мелкобуржуазного компонента.

В отсутствие революционного руководства рабочий класс превратил свою возросшую силу и стихийную борьбу в фальшивую валюту – в голоса, отданные оппортунизму.

Lotta comunista, май 1988 г.

1 – Ассоциация сельскохозяйственных производителей Coldiretti, которую тогда называли по имени её основателя Паоло Бономи (1910–1985) – политика из партии христианских демократов.

2 – Впервые тезис о росте пролетариата как горючего материала революции был высказан Лениным в 1908 году в статье «Горючий материал в мировой политике» (см. Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 17. С. 174–183).

3 – Итальянская демократическая социалистическая партия.

Ренато Пасторино

Беспрецедентная задача

184 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник

ISBN 978-5-9905528-3-8

Цена 200 руб.

Ускорение кризиса порядка и задачи революционеров

Плодотворные времена для классовой партии

Серия стремительных экономических, политических и военных преобразований разрушает старый мировой порядок. К насилию войн, вызванных кризисом мирового порядка и охвативших множество регионов планеты, теперь добавилась торгово-финансовая война.

С момента своего первого вмешательства в европейские дела в 1917 году, в разгар первой мировой войны, Соединённые Штаты на протяжении более ста лет остаются центром международной системы. После апогея, связанного с победой во второй мировой войне, американский империализм прошёл через несколько фаз относительного упадка, вызванного усилением как старых, так и новых соперников. Однако в последние десятилетия он переживает ощутимые политические потрясения под ударами неравномерного мирового экономического и политического развития.

Извечный стратегический интерес Вашингтона заключается в том, чтобы не допустить появления гегемона сразу на двух фронтах – Атлантическом и Тихоокеанском, то есть в Европе и Азии. Процесс объединения Европы и, прежде всего, стремительный подъём китайского империалистического гиганта за последнюю четверть века существенно усложнили задачу удержания равновесия для всех хозяев Белого дома.

С распадом СССР Соединённые Штаты потеряли ялтинский бастион фальшивого социализма, сдерживавший Европу на Западе – с танками, доходившими вплоть до Берлина, – и Китай на Востоке, с тысячами ядерных боеголовок в Сибири и республиках Центральной Азии. Поскольку в идеологии всё перевернуто с ног на голову, крах обрюзгшего российского государственного капитализма стал, по иронии истории, триумфальным “однополярным моментом” победы американской супердержавы. В это поверили как певцы Запада, так и бессильные акционисты других возможных миров.

Войну по выбору Буша-младшего в 2003 году, доктрину “свёртывания” Обамы и последующий выход из игры на нескольких шахматных досках, внешнюю политику “для среднего класса” Джо Байдена и экономический национализм Дональда Трампа – всё это можно рассматривать как серию односторонних шагов, с помощью которых американский империализм пытался реагировать на собственный упадок.

Второй срок Трампа – это продукт американского упадка в двойном смысле: как политическое выражение социального озлобления слоёв империалистического изобилия, чьё будущее видится им в мрачных тонах, и как проявление стратегической несостоятельности истеблишмента первой мировой державы, которая не смогла найти жизнеспособную альтернативу напыщенному телемагнату, который прибрал к карману Республиканскую партию – “Великую старую партию”, которую когда-то представлял Авраам Линкольн.

Именно будучи диалектическими материалистами, мы считаем, – как писал Арриго Черветто, цитируя Ленина, – что политики не являются марионетками,

движимыми «имманентными законами исторической необходимости»¹. В ноябре 2024 года *Lotta Comunista* задавала вопросом: «как сильно повлияет случай Трампа на “ускорение” и “замедление” американского упадка?».

Чтобы “сделать Америку снова великой”, выдвигаются цели усилить экономические группы за счёт масштабной внутренней дерегуляции и защиты от иностранной конкуренции. Намечаются новые пропорции государственного интервенционизма – настолько значительные, что в феврале наша газета замечала: «категории либеризма и протекционизма сами по себе перед лицом американского национализма стали менее пригодны для понимания знака цикла». Также на повестке дня новой администрации – утверждение превосходства Штатов в американском полушарии и намерение переложить бремя упадка и противостояния с Китаем на плечи европейцев, Японии и союзников в Восточной Азии.

Одним словом, всего за несколько месяцев новая президентская администрация открыла целый ряд конфликтов на множестве фронтов. Внутри страны она вносит хаос в архитектуру власти и американские федеративные институты. Во внешней политике она, похоже, вступает на собственный *Sonderweg* – особый путь, на котором союзники и противники поочерёдно то задабриваются, то подвергаются жёстким атакам за несоответствие интересам нового американского национализма. Так, Зеленский оказался объектом публичных унижений в прямом эфире на весь мир, а военная помощь Украине была урезана ради попытки нормализовать отношения с путинской Россией. На Среднем Востоке хищная израильская буржуазия, похоже, поощряется на перекройку порядка в регионе с помощью бомбардировок и массовых убийств. Европейцам, японцам и корейцам напомнили, что они больше не могут рассчитывать на оборонительные обязательства Вашингтона и, возможно, даже на его ядерный зонтик.

Наконец, объявление мировой торговой войны из “розового сада” Белого дома ввергло биржи в панику. Но уже через семь дней администрации пришлось отступить: удар пришёлся в ахиллесову пяту – государственный долг, а рост процентных ставок достиг болевого порога американской власти. Остались в силе лишь универсальный 10-процентный тариф и пошлины на автомобили и металлы. Единственной страной, с которой на данный момент продолжается острая торговая война, является Китай, который немедленно принял ответные меры. Некоторые уже считают именно Пекин главным виновником атаки на облигации казначейства США: дескать, это был своего рода предупредительный залп.

Эта серия ударов привела к серьёзному кризису в атлантических отношениях и к ряду непредвиденных последствий в Азии. Китайский империализм предлагает силу своего капитала, свои колоссальные промышленные мускулы и свой обширный рынок в качестве альтернативы старому американскому повороту. За последний месяц Китай активизировал работу со всеми

государствами евразийского континента, заключая новые экономические и дипломатические соглашения и используя шоковые волны, исходящие из Вашингтона.

Старые европейские “разбойники” также используют американские конвульсии, чтобы давить на газ в процессе военно-политической унификации: разрабатываются гигантские планы перевооружения и проекты автономного ядерного сдерживания, пусть и в рамках НАТО. Всё это происходит с учётом отношений с Вашингтоном, которые, однако, меняются.

В конце января в Давосе Урсула фон дер Ляйен высказалась за своего рода атлантическую *многовекторность*: развитие отношений с несколькими полясами силы при сохранении приоритета за США. «Мировой порядок сотрудничества, который мы представляли себе 25 лет назад, не реализовался. Вместо этого мы вступили в новую эру жёсткой геостратегической конкуренции. Крупнейшие экономики мира конкурируют за доступ к сырью, новым технологиям и глобальным торговым путям. От искусственного интеллекта до чистых технологий, от квантовых технологий до космоса, от Арктики до Южно-Китайского моря: гонка продолжается». Переплетение империалистического сотрудничества и конкуренции по всем направлениям. Фон дер Ляйен перечислила соглашения о свободной торговле со Швейцарией, МЕРКОСУР и Мексикой. Объявила о миссии в Индию для укрепления «стратегического партнёрства», и подтвердила конструктивное взаимодействие «с Пекином, чтобы найти решения в наших общих интересах», но без отказа от «оборонительных мер [...] в качестве ответа на искажения китайского рынка». Что касается Трампа, то она подчеркнула особую экономическую и политическую интеграцию Атлантического бассейна и назвала США «ближайшим партнёром» Европы. Но она также подчеркнула необходимость тотальной защиты особых европейских интересов. «Мы будем прагматичными, но всегда будем придерживаться наших принципов, защищая наши интересы и отстаивая наши ценности: это европейский путь».

«Эпоха ожесточённого геостратегического соперничества» вызывает трудности с ориентацией, идеологический разброд и мрачные настроения крупных групп и их политических представителей, а также даёт важное подтверждение нашим выводам о сроках империалистического противостояния.

В феврале 2004 года мы писали, что «в течение этого поколения Китай станет державой, схожей в социальном, экономическом и политическом плане с другими империалистическими державами континентального масштаба». Можно сказать, что с поразительной пунктуальностью, словно по часам, вместе с вторжением китайского империализма пришли разрушение порядка и войны.

Мы уже говорили и писали о том, что наступает бурное десятилетие: факты на наших глазах полностью подтверждают это. Но необходимо сделать несколько уточнений.

Во-первых, говорить о «ключевом десятилетии» не означает определять

сроки краха порядка в системе государств: это может произойти как раньше, так и в более или менее дальней перспективе по истечению десятилетия. Мы не можем научно предвидеть это именно потому, что «область международных отношений изменяется беспрерывно и постоянно даёт что-нибудь новое»², с регулярной сменой фронтов и альянсов, с чередованием периодов острого конфликта и фаз передышки и разрядки. Во-вторых, само понятие ключевого момента наводит на мысль о перепутье, на котором политические акторы – как высшие эшелоны империализма, так и революционные милитанты – будут вынуждены выбирать пути, способные ускорить или замедлить ход классовой борьбы, усилить или ослабить собственные позиции.

Для революционной партии это означает необходимость ускориться в крайне тяжёлой борьбе за развитие организованного сознания, по крайней мере, в рабочем классе одного из континентальных гигантов унитарного империализма, каким является европейский империализм.

Наш класс продолжает развиваться и расширяться, несмотря на противоречия и страдания, вызванные цепью войн кризиса порядка. Сегодня он страдает от манипуляций и буржуазного фанатизма, но обладает огромным потенциалом для борьбы. Один из множества примеров: в нищем, разорённом войной Судане уровень пролетаризации сегодня выше, чем в Польше конца XIX века, где родилась Роза Люксембург. «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» – этот лозунг может прозвучать сегодня в социальном сердце мировых масс громче, чем прежде.

Стихийно рабочий класс не может освободиться, но, тем не менее, даже в отчаянии и дезориентации наш класс реагирует на буржуазное варварство – это показывают сотни тысяч дезертиров и уклонистов на российско-украинском фронте и протесты против кровавого режима ХАМАС в секторе Газа.

Здесь, в богатой Европе, на фоне затянувшейся пассивности, в рабочих слоях нарастают тревога, страх окантоваться втянутыми в новые войны, но также и желание сопротивляться и бороться против идеологии европеистских “барabanщиков” – независимо от того, размахивают ли они звёздно-голубым флагом или лицемерным радужным знаменем пацифизма.

Это плодотворное время: исторические потрясения всколыхнули сознание наиболее открытых миру людей, особенно молодёжи. Именно поэтому в нашей повседневной практической работе по пропаганде интернационализма, добровольческой солидарности и классовой организации мы находим всё больше энергии для строительства партии по большевистской модели в крупных метрополиях континента. Плодотворное время, время выбора перед решающими сражениями.

Lotta comunista, апрель 2025 г.

1 – Ленин В. И., ПСС, изд. 5-е. Т. 1. С. 158.

2 – Черветто А. Унитарный империализм: в 2 т. Киров: Марксистская наука, 2005. Т. 2. С. 473.

Атлантический кризис и европеизация НАТО

Производители оружия готовятся к крупнейшему с конца второй мировой войны буму вооружений. По данным *Der Spiegel*, Германия потратит на перевооружение 3,5 % своего ВВП. Страна движется к удвоению военных расходов – шагу, который приведёт к глубоким изменениям в политических отношениях в Европе.

В интервью *Die Zeit* Франсуа Олланд говорит, что Германия навёрстывает упущенное на поле, традиционно принадлежавшем Франции. Однако, по словам бывшего французского президента, то, что раньше вызывало подозрения, сегодня воспринимается как должное. Фридрих Мерц приветствует предложенный Эммануэлем Макроном стратегический диалог о распространении защиты французского ядерного зонтика на Германию – что, безусловно, успокаивает Париж. Более того, немецкое перевооружение движется в рамках, заданных Еврокомиссией и единогласно одобренных Советом ЕС, несмотря на то что нынешнее соотношение национального и общеевропейского долга подчёркивает неблагоприятную фискальную ситуацию Франции.

Если немецкая оперативность и французское молчаливое согласие позволяют считать, что договорённость была достигнута заранее, то общеевропейское измерение объявленного в Берлине «эпохального прорыва» всё же ставит на повестку вопрос о политическом балансе сил. Это видно по форматам “5+1” (Франция, Германия, Польша, Италия, Испания плюс Великобритания), по франко-британской “коалиции желающих” по Украине, а также по недавнему франко-британо-германскому формату “ЕЗ” – попытке посредничества с Вашингтоном. Учитывая, что конкретные договорённости будут определяться именно политическими схватками, а не простой суммой или наложением форматов, любое разделение суверенитета между ключевыми странами постепенно закрепит немецкий рывок к перевооружению в совместных структурах принятия решений.

Одиночный обмен формулировками между Парижем и Берлином отсылает к прежнему формату европейских сражений в оборонной сфере – с их закономерностями, и прежде всего с трансформациями и скачками, происходившими в стратегические, переломные моменты в отношениях держав. С точки зрения Мерца, перевооружение Германии – это лишь «первый большой шаг к созданию европейского оборонного сообщества», в которое также могут войти Великобритания и Норвегия. Макрон видит в “коалиции добровольцев” «лабораторию для проверки того, как может функционировать европейская опора посттрамповского НАТО».

Семьдесят лет спустя Европейское оборонное сообщество (ЕОС) и НАТО будто бы снова вступают в состязание – но лишь на первый взгляд. Экономические и политические, а теперь и военные отношения между берегами Атлантики и по обе стороны Рейна коренным образом изменились. Кроме того, Брексит вновь изменил позицию Великобритании. Антонио Мисироли, старший советник ISPI¹ в Риме, до этого возглавлял отдел европейских исследований в CeSPI² – институте, основанном Джорджо Наполитано и впоследствии возглавляемом Мартой Дассу. Он также был научным сотрудником Европейского института исследований в области безопасности (EUISS) в Париже, которым руководила Николь Гнесотто. Будучи политическим советником Европейской комиссии и заместителем генерального секретаря НАТО, Мисироли был близок к процессу становления оборонной политики ЕС в 2000-х годах. В своей книге 2024 года “Оборона Европы” он проследживает “параллельные жизни” европейской обороны и Атлантического альянса, давая современную картину их правовых отношений. Пути двух систем разошлись в 1950-х годах, после провала ЕОС и всту-

пления Германии в НАТО, но после воссоединения Германии встретились вновь.

Заклучив в 1947 году Дюнкеркский договор, Франция и Англия обезопасили себя от возможной германской угрозы и годом позже вместе со странами Бенилюкса образовали Западноевропейский союз. Фактически этот союз будет интегрирован в НАТО, но Соединённые Штаты, заинтересованные в развитии немецкой промышленности, навяжут европейцам более гибкую и не открыто антибоннскую формулировку коллективной обороны. Франция попыталась, с помощью плана Плевена, ограничить германское перевооружение рамками исключительно европейской армии, которая должна была действовать параллельно с НАТО. Однако Альянс одобрил этот проект лишь при условии его подчинения собственному Верховному командованию. Париж был вынужден подчиниться американскому видению германского вопроса. Проект ЕОС был отвергнут во Франции – прежде всего голлистами, отстаивавшими национальный военный суверенитет, но также и теми, кто выступал против германского перевооружения, которое, как писал тогдашний главный редактор *Le Monde* Юбер Бове-Мери, содержалось «как зародыш в яйце» в американских планах возрождения Европы.

Гнесотто, вице-президент Института Делора, отвергает упреки в адрес Парижа в том, что тот якобы лишил тогда Европу политического измерения, обрекая её следовать экономистскому пути Общего рынка. Гнесотто была членом комиссии по подготовке Белой книги по обороне Франции, в 1980-х годах работала в аналитическом центре Министерства иностранных дел, а в 1990-х годах руководила Институтом исследований безопасности Западно-Европейского союза, позднее EUISS. В своей книге *“L'Europe: changer ou périr”* она подчёркивает, что проект ЕОС по сути не мог выйти за рамки реалистичной концепции «европейского столпа» НАТО – с учётом соотношения сил в то время.

С её точки зрения, последовательная позиция Шарля де Голля содержала в себе идею построения Европы как «рычага Архимеда» для усиления французской мощи – Европы, задуманной в голлистском духе, на основе государств. Елисейский договор 1963 года между Парижем и Бонном должен был стать его зародышем, несмотря на «убийственную» атлантическую преамбулу, навязанную Бундестагом Конраду Аденауэру. Борьба между «атлантической Европой» и «европейской Европой», как предсказывал де Голль, будет продолжаться десятилетиями. Сегодня, по мнению Гнесотто, непредсказуемость Дональда Трампа, ослабляя первую, открывает путь к возможному рывку второй. Одним из вопросов, требующих анализа, являются пропорции евроатлантических отношений, изменившиеся в результате перевооружения и резких проявлений американского упадка.

1960-е годы стали ареной второго сражения, кульминацией которого стал выход Франции из военных структур НАТО. После провала в Суэце и потери Алжира Париж обзавёлся собственным ядерным оружием. По мнению французского историка Жана-Батиста Дюроселя, именно окончание Алжирской войны позволило генералу сосредоточиться на внешней политике Франции. Столкновение с атлантическим сообществом, поддерживаемым администрацией Кеннеди, стало неизбежным. Ключевыми источниками по этой теме остаются биография Жана Монне, написанная Франсуа Дюшеном, и мемуары Джорджа Болла – заместителя госсекретаря США при Джоне Кеннеди.

Во времена президентства Эйзенхауэра США приняли решение «вовлечь» как Европейский экономический союз, так и Японию – страны, восстанавливавшиеся после войны. С подачи Джорджа Болла и советника Госдепартамента Роберта Боуи, связанного с “проконсулом” по Германии

Джоном Макклоем, в Вашингтон поступили предложения Жана Монне о создании «равноправного партнёрства» между США и объединённой Европой. Это партнёрство должно было опираться на две «опоры» Атлантического союза – равные, за исключением ядерного компонента. Для Монне это был способ получить своего рода «лицензию» на развитие ЕЭС в сотрудничестве с Соединёнными Штатами. Он понимал, что реальное равенство потребует времени, но рассчитывал использовать опасения администрации Кеннеди перед возможной изоляцией Америки от «экономических чудес» Старого Света. Болл, в свою очередь, отмечал: если бы европейцам не предложили условия равноправия, они продолжили бы воспринимать трансатлантическое сотрудничество как «уловку янки» – способ использовать их в качестве маневренной массы. Главным препятствием оставалось европейское «чувство неполноценности». Американские «атлантисты» опасались, что объединённая Европа может не поддержать политику США – но, по мнению Болла, эти страхи были преждевременны и являлись не более чем «наивным воскрешением» призрака некой «третьей силы» в Европе. Главная задача, по его мнению, – это прочно привязать Германию к Западу.

С точки зрения Монне партнёрство представляло собой необходимую рамку для развития Европы. Для де Голля же оно было лишь хрупкой маской американской гегемонии. Монне никогда не признавался, что является автором “преамбулы” 1963 года, его биограф причисляет его к яростным сторонникам «альтернативного ответа де Голлю» – идеи создания Многосторонней ядерной силы НАТО, которая должна была «поглотить» французские и британские силы ядерного сдерживания. Эти предложения обсуждались в Вашингтоне ещё в 1957 году, а в 1962 году были закреплены соглашением в Нассау. Взамен предлагалась система консультаций в рамках Альянса – практически провокация против идеи трёхсторонней «директории» Вашингтон–Лондон–Париж, которую генерал продвигал ещё в 1958 году. По мнению Франсуа Дюшена, это была целенаправленная стратегия: не допустить, чтобы Франция расколола Запад, и одновременно усилить американское влияние в Европе – в том числе через вступление Великобритании в ЕЭС. Французский историк Жан-Батист Дюросель называет 1963 год «годом кризиса трансатлантических отношений».

Очевидно, что сегодня источник кризиса сместился на противоположный берег Атлантики. Это меняет и подход к европейской «опоре». В послевоенный период отношения между США и ялтинской Европой не могли быть равноправными по объективным причинам, и именно поэтому концепция «двух опор» могла иметь специфическое политическое значение – как в диаметрально противоположных, но в итоге сходящихся трактовках Болла и Монне. С изменением баланса сил после объединения Германии, распада ялтинского порядка и создания Европейского союза, трансатлантическая взаимность, напротив, становится предметом реального политического торга. Сегодня Вашингтон сам ставит под сомнение американскую опору, и европеизация НАТО, если и служит цели сохранить возможность договориться о равноправных отношениях в Альянсе, то делает это, используя трамповский разрыв в качестве рычага. Исторический путь лишь подтверждает то, что мы описывали как «смелую ставку».

Представление о поступательном, оторванном от соотношения сил развитии европейского проекта должно быть отвергнуто, иначе невозможно просчитать задержки и неудачи, вызванные американской реакцией. Как пишет Мисироли, в “телеграмме Бартоломео” 1991 года США открыто выступили против создания «европейского кокуса в НАТО» и наложили формат Сил быстрого реагирования Альянса на

инициативу Коля и Миттерана по созданию Еврокорпуса на базе франко-германской бригады. Саммит в Брюсселе в 1994 году формально принял идею «европейской опоры», однако интервенция НАТО в Боснии на деле показала безусловное доминирование американской военной машины, от которой невозможно было отмахнуться.

Европейская оборона заложила промышленный фундамент для будущего углубления сотрудничества и приобрела политическую индивидуальность в лице представителя по вопросам общей внешней и оборонной политики, учреждённого Амстердамским договором. Но миссия НАТО в Албании в 1997 году оказалась ещё одной «упущенной возможностью». Мадлен Олбрайт отвечает на попытки военной автономии тремя “Д”: против дискриминации, дублирования и отделения (*decoupling*) от американской системы. США заявляют о своём “праве отказать” европейцам в доступе к ресурсам Альянса в каждом конкретном случае и разыгрывают “турецкую карту”, молчаливо поощряя вето Анкары против европейской позиции.

Поразительно, насколько кризис 2003 года совпал с ключевыми шагами в области европейской обороны – и как те досе, которые были “заморожены” из-за американского вторжения, сегодня вновь оказываются в центре внимания. Тогда Европейский конституционный конвент под руководством Валери Жискара д’Эстена обсуждал оборонные вопросы в специальной рабочей группе, возглавляемой Мишелем Барнье, с целью обеспечить «возможность принятия решений» независимо от НАТО. Первая европейская миссия в Боснии – операция “Альтеа” – заменила миссию Альянса. Ключевым моментом стало соглашение “Берлин плюс” 2003 года, позволившее использовать инфраструктуру НАТО в интересах европейских оперативных групп – «отделённых, но не отделённых». Именно в тот момент, когда эти договорённости, казалось, могли вдохнуть новую жизнь в общую оборону Европы, она эффективно раскололась из-за войны в Ираке, отмечает Мисироли.

По мнению французской дипломатии, пишет *El País*, истоки сегодняшней европеизации НАТО можно найти именно в тех механизмах, опробованных на Балканах, и в соглашениях “Берлин плюс”. По мнению Мисироли, консультации по созданию “коалиции желающих” – это фактически пробная площадка – даже помимо реальных возможностей развёртывания сил на Украине. Именно так, «лаборатория» во французском понимании.

Что касается расширения атомного зонтика, то посол Экхард Любкемайер из берлинского SWP³ в пространном эссе в *Frankfurter Allgemeine Zeitung* предлагает включить прямое упоминание о ядерном варианте в пункт о взаимной военной помощи франко-германского Ахенского договора 2019 года. Карл-Хайнц Камп из DGAP, Немецкого общества внешней политики, на тех же страницах пишет, что Германия могла бы совместно финансировать развитие британского и французского арсеналов, чтобы сформировать расширенные европейские силы ядерного сдерживания, не нарушая при этом обязательные для Берлина договоры, ДНЯО и “2+4” 1990 года. Таким образом, формула “ЕЗ” в контексте Украины начинает обретать очертания ядра европейских держав, обладающих либо ядерным оружием, либо существенными финансовыми ресурсами.

Борьба с атлантическим кризисом требует рывка в европейской внешней политике.

Lotta comunista, апрель 2025 г.

1 – Институт исследований международной политики.

2 – Центр исследований международной политики.

3 – Немецкий институт международных отношений и безопасности.

Предупредительный выстрел по госдолгу США

Центральными темами полугодичных отчётов Международного валютного фонда (МВФ) за апрель стали *торговая война* и её последствия. Главный экономист МВФ Пьер-Оливье Гуриша пишет, что экономическое наступление Дональда Трампа практически на все остальные страны в мире означает, что «мировая экономика вступает в новую эру [...], существующие нормы подвергаются сомнению, в то время как новые ещё не появились». Это эра, в которой «фактическая ставка тарифа США превзошла уровни, достигнутые более ста лет назад».

В редакционной статье *Wall Street Journal* говорится о «новой эре протекционизма», озаглавленной «концом экономического лидерства США».

Пошлины упадка

В *World Economic Outlook* указывается, что по состоянию на 14 апреля «общая ставка таможенных пошлин США в мире составляла около 25 % по сравнению с 3 % в январе 2025 года». Часть новых пошлин была отложена и нависает, как дамоклов меч, над головами партнёров, приглашённых американским правительством для скорейшего представления своих искупительных предложений. После 5 лет потрясений – пандемии, инфляции, войн, энергетического кризиса, – которые ещё не закончились, всплеск неопределённости возвращается, растут угроза инфляции для стран, повышающих тарифы для поддержки менее конкурентоспособных компаний (Америка), и угроза дефляции для тех стран, которые являются целью этих тарифов и находятся в состоянии перепроизводства (Китай), а мозаика произвольных «взаимных» тарифов усугубляет фрагментацию производственных цепочек. Инвестиционные планы отложены. Тарифы США против Китая в размере 145 % и китайские ответные тарифы в размере 125 % отражаются на всех направлениях, поскольку Пекин является крупнейшим торговым партнёром 130 стран.

МВФ снижает свой прогноз мирового экономического роста на 0,5 процентных пункта по сравнению с январской оценкой: с 3,3 % до 2,8 % в 2025 году и с 3,3 % до 3 % в 2026 году, при этом потеря половины процентного пункта касается как «развитых», так и «развивающихся» рынков. Рост мировой торговли существенно замедлится: он сократится более чем вдвое – с 3,8 до 1,7 %. По сравнению с 2024 годом и Америка (с 2,8 до 1,8 %), и Китай (с 5 до 4 %) потеряют целый процентный пункт роста, в то время как еврозона по-прежнему будет стагнировать с ростом ниже 1 %.

Экономические войны

Полвека назад, в разгар кризиса реструктуризации, марксистская школа установила некоторые опорные точки. Арриго Черветто в октябре 1973 года писал, что «замедление развития империалистических стран [...] является результатом снижения темпов, которые от цикла к циклу сопровождают жизнь основных концентраций капитала». Метрополии реагируют увеличением инвестиций для повышения производительности, но, поскольку это борьба между империалистическими державами, в которых доминирует финансовый капитал, «война за национальную производительность становится торговой и монетарной войной». В этом свете Черветто так объяснил шок Никсона: «В 1971 году империалистические метрополии обменялись колоссальными ударами, которые назывались девальвацией и неконвертируемостью доллара и

ревальвацией марки и цен». Сегодня мы вспоминаем шок Никсона, чтобы провести аналогию с шоком Трампа – односторонним применением пошлин и подрывом правил игры, а также как сценарий превентивной экономической войны – гипотеза, высказанная с абсолютным скептицизмом консервативным обозревателем *New York Times* Россом Даутэтом. В то время Вашингтон вёл одну из своих первых битв против упадка, хотя признаки гегемонистской усталости уже были очевидны (Вьетнам и Уотергейт), но они были уравновешены стратегической инициативой диалога с Китаем, тогда автаркическим и маоистским.

Было бы наивно думать, что войны за производительность – это просто инвестиционные войны. Столь же самонадеянно и глупо думать, что «таможенные войны легко выиграть». Это не только долгие войны, но и торговые, валютные, банковские и финансовые войны. В течение 50 лет неравномерного развития капитализма американский империализм вёл несколько войн и сражений различной интенсивности, используя все возможные виды оружия, чтобы не допустить сближения старых конкурирующих империалистических метрополий с новыми державами. Торговая война Трампа – это война упадка старческой Америки, хаотичная и раздражительная, которая быстро приобрела, вопреки своим собственным архитекторам, многогранную динамику, обозначенную в 1973 году.

Идеологические обязательства

Пропаганда Трампа относительно пошлин, отсылающая к дефициту двусторонней торговли, вращается вокруг трёх простых и ложных идей. Редактор *Financial Times* Мартин Вулф выделил две из них: «Неявное предположение заключается в том, что в справедливом мире торговля будет находиться в равновесии с каждым отдельным партнёром. Это полное безумие. Тем не менее это стало интеллектуальной основой торговой политики самой могущественной страны в мире». Вторая заключается в том, что введение тарифов поможет Америке реиндустриализоваться, так как остальной мир лишает её рабочих мест. Вулф отвечает: все промышленно «развитые» страны уступили доли промышленной деятельности «развивающимся» странам, и многие рабочие места были ликвидированы новыми технологиями. Но Соединённые Штаты пострадали меньше всего. В период с 2005 по 2023 год Америка потеряла 1,8 % своей промышленной занятости по сравнению с 5 % во Франции, 4,6 % в Канаде, 3,6 % в Великобритании, 3,7 % в Германии, 3,2 % в Италии, 2,3 % в Японии. Третья идея, типичная для идеологии MAGA (Make America Great Again), обозначена в *Wall Street Journal*: «Если вы хотите, чтобы ваш тариф был нулевым, то производите свой продукт в Америке». Реальная цель – «переломить эру глобализации», отмечает либеральная ежедневная газета, но «распутывание мировых цепочек поставок и перемещение их в Соединённые Штаты [...] является сложной задачей, учитывая связанные с этим расходы». Сотни миллиардов долларов были инвестированы в глобальные промышленные сети, которые невозможно демонтировать.

Вокруг этого ядра экономического национализма группируются цели предвздорной демагогии, такие как отмена налогов, уплачиваемых американцами, за счёт пошлин, взимаемых с иностранцев, и стратегическое использование тарифов

в качестве рычага ведения переговоров. В начале марта в нью-йоркском Economic Club министр финансов Скотт Бессент представил краткую версию тарифной политики: «Президент верит в три вещи. Первая состоит в том, что [тарифы] являются хорошим источником дохода. Во-вторых, они защищают наши отрасли и сотрудников. И третье: он добавил третью ножку к табуретке и использует её для переговоров». Цель переговоров – заставить союзников взять на себя значительную долю расходов на оборону и обязать их проводить политику блокады Китая.

На грани войны капиталов

Тарифное наступление 2 апреля удивило своим всеобщим распространением (тариф в размере 10 % для всех стран) и размером дополнительных пошлин, которые рассчитывались для каждой страны и очень странным образом. Падение фондового рынка в результате тарифного града было предсказуемо, даже если никто и не предполагал, что оно будет столь глубоким, продолжительным и широко распространённым на всех фондовых рынках. По данным «Global Financial Stability Report» МВФ, на долю США приходится 55 % мирового фондового рынка по сравнению с 30 % два десятилетия назад; по данным компании по финансовому менеджменту Apollo Global Management, 41 % доходов крупных американских групп из рейтинга «S&P500» поступает из-за рубежа. Таким образом, американские рынки характеризуются большой концентрацией рисков и большим потенциалом для их распространения. Чего не ожидалось, так это одновременного падения рынка казначейских облигаций и доллара. Рынок казначейских облигаций, крупнейший в мире рынок государственных облигаций, обычно растёт, когда фондовые рынки падают, так как инвесторы ищут безопасные активы. Именно это и произошло, вспоминают экономисты, в 1987, 1997, 2001 и 2008 гг. Только во время пандемии произошёл отток капитала с обоих рынков. В нескольких комментариях указывается, что хедж-фонды, считающиеся приводным ремнём между официальной и теневой банковской системами, являются основным источником жесточайших распродаж казначейских облигаций: либо они запаниковали, либо нуждались в огромных объёмах ликвидности, либо увидели возможность сделать ставку на фьючерсном рынке.

9 апреля Трамп резко изменил свою позицию и решил приостановить действие «взаимных» пошлин на 90 дней. Несколько факторов заставили президента отступить. Джиллиан Тетт в передовице *Financial Times* от 10 апреля выдвинула гипотезу о том, что двойной отток средств с рынков породил вероятность того, что «торговая война между США и Китаем может превратиться в войну капиталов, подтолкнув Пекин – крупного держателя казначейских облигаций – отказаться от долларовых активов». Гийом Бенуа в *Les Echos* соглашается с этим, оценивая падение казначейских облигаций и скачок их доходности до 5 % как «своего рода предупредительный выстрел» со стороны иностранных держателей.

Джеймс Даймон: представитель генеральных директоров

Угроза «войны капиталов» разморозила голоса руководителей компаний. 7 апреля пятеро высших руководителей Уолл-Стрит выступили с критикой тарифной политики. Билл Экман опасается

«самопроизвольной ядерной экономической зимы»; руководитель BlackRock Ларри Финк выступил в Economic Club; основатель Bridgewater Рэй Далио написал длинный пост в X против введения пошлин и ответных пошлин и в защиту сильного доллара; Уоррен Баффет из YouTube также осудил линию в тарифной политике. Самым важным из всех выступлений стало письмо Джеймса Даймона акционерам JP-Morgan, написанное в тот же день. В нём основное внимание уделялось международным отношениям Вашингтона с Китаем и его союзниками. Тезисы были повторены два дня спустя на *Fox News*, любимом канале Трампа, и неделю спустя в *Financial Times*. Даймон утверждает, что тарифы «превысили ожидания людей», не исключает рецессии и поддерживает министра финансов Бессента на посту главы торговых переговоров. Трамп послушал и последовал его примеру.

Интересно, как Даймон переосмыслил проблему торгового дефицита, которая беспокоит Трампа. По его словам, за 20 лет дефицит торгового баланса Америки составил 12 трлн долл.; за тот же период США накопили излишек иностранных инвестиций в американские ценные бумаги в размере 30 трлн долл., в то время как американские инвесторы владеют иностранными ценными бумагами всего на 16 трлн долл. Война тарифов и частичное отступление Трампа, а также его неоднократные бесплодные нападки на Федеральную резервную систему, сеющие неопределённость, несомненно, сказываются на репутации и надёжности. Как пишет *Wall Street Journal*, тарифная пауза «является частичным перемирием, но, безусловно, не концом тарифного хаоса».

«Гегемонистское междуцарствие»

По словам Элен Рей, профессора London Business School и вице-президента Центра экономических и политических исследований (CEPR), потеря доверия к США, вероятно, необратима. Рей, считает, что торговая война открывает стратегическое пространство для ЕС. По её словам, возможно, мы вновь можем пережить ситуацию, описанную Чарльзом Киндлбергером для 1930-х гг., периода «гегемонистского междуцарствия», когда ни одна держава не была в состоянии гарантировать стабильность мировой финансовой системы: Соединённые Штаты больше не хотят этого делать, а ЕС пока не готов взять на себя эту роль. Эта формула близка к той, которую упоминает Гуриша. У Трампа и его советников искажённое представление о роли доллара, который они считают хронически переоценённым, что негативно сказывается на конкурентоспособности Америки. Рей видит возможность того, что евро будет играть всё более важную роль в качестве международной валюты, заполняя «пустоту», описанную Киндлбергером. Европе придётся построить платёжную систему, независимую от доллара, освободившись от механизмов SWIFT и сетей Visa и MasterCard, а также создать себе цифровую валюту – евро-стейблкоин, способный конкурировать с долларом-стейблкоином.

Это одно из предположений, которые с определённой регулярностью возникают в контексте гипотез монетарной многополярности и сопровождают амбиции по созданию Союза рынков капитала. Этого союза пока нет, хотя на горизонте уже появляется новый претендент – Китай.

Единство и раскол в наследии Хорхе Бергольо

Двенадцать лет назад мы рассматривали кризис, вызванный отречением Йозефа Ратцингера и избранием на папский престол Хорхе Марио Бергольо, как выбор в пользу «просчитанного разрыва». Папу, олицетворявшего укоренённость церкви в западном мире – с его бременем кризиса секуляризации и социальными чертами поздней империалистической зрелости – сменил первый неевропейский понтифик современной эпохи. Задача заключалась в том, чтобы представить в новых балансах и формах церковной организации диалектику единства и плюрализма ряда крупных полюсов католицизма, открывая пространство для многообразия культур и социальных контекстов через «здоровую децентрализацию».

Мы подчёркивали, что биография нового папы требует анализа в трёх измерениях: его опыт в Аргентине в качестве епископа Буэнос-Айреса, его роль в Латинской Америке в завершении фазы острого конфликта вокруг теологии освобождения, и, прежде всего, его знание сферы международных отношений, характерное для иезуитов.

То, что разрыв был «просчитанным», следует также из того факта, что сам Ратцингер ещё задолго до этого размышлял о восстановлении плюралистической структуры первых веков христианства: разделение на «приматы», «патриархаты» или «большие автономные церкви», которые находились бы в диалектическом единстве с центром в Риме и его «приматом апостола Петра». Это способствовало бы восстановлению единства в Православной церкви, а где церкви Европы, Америки, Азии и Африки могли бы развиваться с учётом разнообразия культур и местных социальных условий.

Двенадцать лет понтификата Бергольо подтвердили намеченные тогда направления. Диалектика вокруг «здоровой децентрализации» через практику епископских синодов, считается истинным наследием аргентинского папы. В 2018 году соглашение с Китаем о назначении епископов и воссоединение двух католических структур, действующих в стране, стало достижением векового масштаба – после многих неудач, восходящих ещё к миссии Маттео Риччи на рубеже XVI и XVII веков.

Отметим, что оба вопроса – диалектика взаимодействия римского центра и поместных церквей, а также присутствие в Азии – были одними из ключевых проблем, обозначившихся ещё в конце 1950-х годов и вынесенных на обсуждение Второго Ватиканского собора. Андреа Риккарди в книге «Церковь и папство в современном мире» говорит о вопросах преемственности между Пием XII и Иоанном XXIII: «Церковь, достигшая пика своей всемирной экспансии, с множественностью верующих, живущих в самых разных социально-политических условиях, требовала, пусть и будучи в замешательстве, более внятного осмысления форм своего присутствия, траектории которого все менее совпадали; нуждалась она и в более сложной и менее централизованной и упрощённой системе управления и внутреннего ориентирования». Среди главных поставленных тогда проблем – «присутствие христианства среди огромных масс Азии, едва затронутых Римской церковью, за исключением нескольких стран». С окончанием колониального господства католическая церковь «ещё больше сместилась бы

на периферию социальной реальности»; «массы мусульман, буддистов, индуистов представляли собой целые миры, где не только не было христианства, но где миссионерская деятельность оказывалась, при проверке фактов, неэффективной или контрпродуктивной».

Эти вопросы стояли перед церковной организацией на протяжении шести-семи десятилетий и при шести папах, но они также претерпели изменения под влиянием неравномерного экономического и социального развития и кризиса, через который прошла церковь в 1960–1970-х годах. Второй Ватиканский собор стремился ответить на эрозию католического влияния и падение рекрутирования на секуляризованном Западе, пропитанном индивидуализмом новой городской жизни; «католический тьермондизм» пытался обратиться к массам и новым отрядам буржуазии, пробуждённым капиталистическим развитием в новых районах, но он также был дезориентирован этими ускоренными изменениями, и выражением этого стала теология освобождения.

Понтификаты Кароля Войтылы и Ратцингера пришлось на период окончания ялтинской системы и объединения Германии и Европы, причём польский папа сыграл активную роль на этом историческом рубеже: распад СССР и его зоны влияния позволил католической организации восстановить связи со своими форпостами в Восточной Европе.

В новом столетии многополярная церковь сталкивается с непростой задачей: представлять в качестве единственной по-настоящему глобальной организации правящего класса плюрализм экономических, политических и социальных условий, объединённых глобализацией, но расходящихся из-за неравномерного развития и конкуренции держав. Это многополярная церковь в кризисе порядка. Запад, который был её исторической колыбелью, охвачен атлантическим упадком и изменениями поздней империалистической зрелости; в новых регионах, к которым обратился соборный тьермондизм, – на глобальном Юге, как его сегодня называют, – возникли новые державы, которые в своём развитии испытывают трансформацию: врывается Китай, за ним следуют Индонезия, Индия и другие азиатские державы; Латинская Америка – «великая родина» для Бергольо – является силой среднего масштаба; Африка всё ещё сталкивается с массовыми процессами разложения крестьянства.

Это «уравнение „плюрализма в единстве“», предсказанное в 2013 году, будет иметь «те же неизвестные величины, что и мировое противостояние, а также диалектика единства и раскола империалистической системы держав», поскольку этот «плюралистический процесс», в отличие от старой Европы и Северной Америки, будет определяться «континентальными державами, такими как Бразилия, Индия или Китай, которые в одиночку будут весить не меньше, чем весь Запад».

Неудивительно, что сегодня напряжённость вокруг вопроса о наследнике Бергольо раскалывает церковь именно по линии разлома между укоренением на Западе и в новых церквях, и что именно историческое соглашение с Пекином подвергается открытой критике со стороны внутренних течений – американских и европейских епископов, – сблизившихся с внешними силами из

США – вплоть до прямого «запугивания», предпринятого в 2020 году госсекретарём США Майком Помпео чтобы воспрепятствовать продлению соглашения.

Тезис о «незавершённости» понтификата может быть использован в противоположных целях. По мнению критиков, Бергольо нарушил структуру курии, не сумев чётко определить роли и полномочия в рамках «здоровой децентрализации». В этой неразберихе вместо провозглашённой коллегиальности якобы утвердилось личное командование. С точки зрения сторонников Бергольо, «незавершёность» означает переломный момент в процессе, который должен быть доведён до конца, начиная с необратимого перехода к синодальному принципу – возможно, с учётом необходимости исправить очевидные диспропорции в представленности ключевых сил, укоренённых на Западе. Риккарди также предлагает ввести «постоянный синодальный орган, своего рода малый совет Папы».

Англосаксонская пресса повторяет обвинения Бергольо в том, что тот был «популистским папой», или даже «папой-перонистом». Об этом пишет *Financial Times*, ссылаясь на споры в Аргентине; *Wall Street Journal* иронизирует: «Он был защитником бедных, поддерживая при этом идею, которые увековечивали их бедность». *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, упоминая критические тезисы о «иезуитском популизме», расширяет размышления до социальной доктрины католицизма, но, возможно, недостаточно, ограничиваясь лишь немецкими дебатами. Если бы издание обратилось к энциклике «*Regum Novarum*» Льва XIII и некоторым последующим событиям первой половины двадцатого века, то оно бы увидело, что идеи «третьего пути» между капитализмом и социализмом постоянно присутствовали в социальной доктрине церкви – и объясняются отнюдь не только южноамериканской спецификой.

Мы считаем, что этой критической линии, замкнувшейся в рамках либерального схематизма, недостаёт диалектического понимания того, как формально антикапиталистические идеологии и риторика могут являться выражением капиталистического восхождения в новых регионах. Вспоминается мастерский ленинский анализ популизма Сунь Ятсена, исторического отца республиканского национализма в Китае, который, излагая теорию «мелкобуржуазного „социалиста“-реакционера» о том, что можно «предупредить» капитализм, туманно говорил о том, что будет «много Шанхаев»¹ китайского промышленного развития. Вспомните все варианты тьермондизма: в популистской мифологии они выражали как отпечаток крестьянских преобразований, сопровождающих капиталистический взлёт, так и оппозицию новых отрядов буржуазии капиталу колониальных держав или империализму янки. Даже социально-национальная двусмысленность «третьего пути» – которая в Европе принимала формы плановой экономики, этатизма и корпоративизма 1930–1940-х годов – в мире антиколониальных революций отражала закономерную роль государственного капитализма как трамплина для взлёта новых регионов.

Таким образом, именно в международной перспективе папы-иезуита расторгается кажущееся противоречие между его аргентинским и южноамериканским опытом и стремлением видеть

в нём модель и опору для многополярной церкви; из Южного конуса – региона, который можно считать также крайним Западом – можно обратиться ко всем восходящим державам. Неслучайно это признают и в Азии. Японская «Ёмиури симбун» отмечает, что «как первый южноамериканский папа», Бергольо уделяет внимание развивающимся странам, как азиатским, так и африканским. *Jakarta Post* называет его «человеком из народа», соответствующим индонезийским «национальным принципам», и отметила, что для своего визита на архипелаг он хотел использовать автомобиль Toyota Innova местного производства.

Наконец, хотя церкви и суждено пройти через диалектику единства и раскола империализма, верно также и то, что для «католического интернационала» это было скорее травматичным фоном, а не разрушительным противоречием. В новейшей истории так было и во времена буржуазного господства. Примату Рима пришлось пережить ампутации в виде англиканского раскола и протестантской Реформации, но он устоял перед центробежными силами, порождёнными появлением современных государств: от галликанства французской монархии и имперских прерогатив Испании до юзепизма в габсбургской Австрии и американизма восходящих Соединённых Штатов. Это прецеденты сегодняшних соглашений с Китаем.

Более того: в войнах империализма XX века «католический интернационал» смог распределить свои функции между интервенционизмом национальных епископатов и нейтралитетом римского центра. Поразительно, что осенью 2018 года в одном и том же номере *La Civiltà Cattolica* праздничные публикации, посвящённые китайско-ватиканскому соглашению, перемежались с эссе о вкладе католиков и иерархии в «нацию на войне» 1917 года.

Послание Пекину было предельно ясным: многополярная церковь действительно стремится к единству, но в своём реализме она также знает, как переступить через противоречивые интересы держав.

Здесь кроется коренное отличие от пролетарского интернационализма: только классовое единство является для него жизненным принципом. Трижды коммунистический интернационал терпел поражение из-за того, что ядро его пролетарской базы оказывалось захваченным особыми интересами собственной буржуазии. Первый Интернационал стал свидетелем отступления английского тред-юнионизма, напуганного Парижской коммуной; Второй – отречения немецкой социал-демократии в 1914 году; Третий был уничтожен в своей большевистской крепости сталинской контрреволюцией, в которой государственный капитализм сочетался с великорусским национализмом.

Коммунистический интернационал должен быть восстановлен. Католический интернационал, в отличие от него, отрицает классовый принцип для пролетариата, и его риторика межклассового популизма служит иным задачам – и он смог пройти через столетия и пережить XX век империализма, потому что приспособился к правящим классам.

Lotta comunista, апрель 2025 г.

Европейские хроники

Берлин ускоряется при поддержке Парижа и Лондона

Враждебные выпады в адрес Европейского союза, сомнения в необходимости американских гарантий безопасности и даже угрозы аннексии территорий союзников – все эти действия со стороны администрации Трампа вызвали атлантический кризис, который ещё больше обострился после объявления 2 апреля, в «День освобождения», о новых таможенных тарифах. В Розовом саду Белого дома американский президент устроил настоящую тарифную вакханалию, заявив о введении пошлин практически против всего мира: минимальный тариф в 10% на импорт из ЕС был поднят до 20%, а на китайские товары – до 34%. Эти пошлины добавились к уже введённым ограничениям на ввоз стали, алюминия и автомобилей.

Но ещё до того, как «освобождение» приведёт к обещанному Трампом «золотому веку» Соединённых Штатов, администрация столкнулась с резкой реакцией со стороны финансовых рынков и рынков облигаций. 9 апреля президент США был вынужден объявить о 90-дневной приостановке действия новых пошлин – за исключением тех, которые направлены против Китая. Причём последние Вашингтон ещё больше ужесточил после ответных мер Пекина. Тем временем быстро множилось голоса, утверждающие, что этот кризис открывает возможности для европейского империализма.

Возможность для Европы

«Европа может извлечь выгоду из американского кризиса», а также из того, что «Китай и США, две главные экономические державы мира, развязали торговую войну, повысив тарифы», – написал Эрик Альбер в *Le Monde* (16.04.2025). С другой стороны Рейна с этим соглашается Джеральд Браунбергер, один из редакторов *Frankfurter Allgemeine Zeitung*: «Если две из трёх крупнейших экономических держав планеты – Америка и Китай – сами себе наносят экономический ущерб, возникает вопрос: может ли Европейский союз как третья по величине экономическая держава извлечь из этого выгоду?». По мнению Браунбергера, «привлекательность Европейского союза как стратегического партнёра для двух соперников – Вашингтона и Пекина – растёт» (12.04.2025).

Ослабление доллара *The Economist* рассматривает как «возможность» для евро, который может сыграть более заметную роль: «Если политики воспользуются моментом, потенциально эпохальные сдвиги в глобальном финансовом порядке могут сыграть на руку Европе» (19.04.2025).

О намерениях ЕС заявила председатель Еврокомиссии. В интервью *Die Zeit* от 17 апреля Урсула фон дер Ляйен заявила, что, поскольку «история вернулась, а вместе с ней – геополитика», необходим «новый Европейский союз», способный «играть активную роль в формировании грядущего нового мирового порядка». Фон дер Ляйен заявила о необходимости «укрепить нашу оборонную способность», «повысить нашу конкурентоспособность» и отреагировать на торговую войну стратегией, состоящей из четырёх пунктов. Во-первых, ЕС будет искать «решение путём переговоров» с США, но параллельно разрабатывает контрмеры, и, как предупреждает фон дер Ляйен, «рассматриваются все варианты». Второй пункт столь же ясен: «Мы должны быть очень бдительными,

чтобы не допустить вторжения китайской продукции на наш рынок из-за торговой войны между США и Китаем. Мы приняли защитные меры». Третий пункт – диверсификация и расширение торговых отношений путём поиска «новых партнёров», т. е. торговых соглашений. Наконец, фон дер Ляйен подтвердила необходимость «устранения барьеров на внутреннем рынке, его углубления и гармонизации», что фактически означает реализацию рекомендаций из докладов Драги и Летты.

Даже представители монетарной власти выступили в поддержку курса на усиление европейского империализма. Ещё за два дня до «Дня освобождения» Трампа Кристин Лагард предсказала в эфире *France Inter*, что это событие станет «экзистенциальным моментом для Европы», по сути – «началом марша к независимости», моментом, «в который мы должны вместе принять решение взять свою судьбу в свои руки». Для этого председатель ЕЦБ настаивает на необходимости создания Союза рынков капитала и «сберегательных продуктов», не говоря уже о еврооблигациях, позволяющих направлять сбережения европейцев на оборонные расходы. Для финансирования перевооружения также потребуются «перераспределение приоритетов государственных расходов».

Её коллега и глава Банка Франции Франсуа Вильруа де Гало подчеркнул, что евро гарантирует «монетарный суверенитет». До введения единой валюты «колебания курса доллара или изменения американской монетарной политики кардинально нарушали взаимодействие между европейскими валютами». Валютные кризисы, которыми это оборачивалось для Европы в прошлом, на сей раз не повторились. Теперь Европе следует «вернуть себе бюджетный суверенитет». Для Франции это означает сокращение дефицита государственных счетов – как это уже удалось сделать таким странам, как Португалия и Италия (*Le Monde*, 10.04.2025).

Немецкое и европейское перевооружение

Можно добавить, что, помимо дефицита бюджета, на суверенитет в равной степени влияет бремя долга. Это отчётливо видно из дебатов о способах финансирования перевооружения Европы. План «ReArm Europe», вошедший в состав европейской оборонной Белой книги «Readiness 2030», предусматривает выделение 150 миллиардов евро в виде кредитов из программы SAFE (Security Action for Europe), гарантированных бюджетом ЕС, для совместных закупок военной техники. Кроме того, государствам-членам предоставляется возможность не учитывать военные расходы при расчёте ограничений Пакта стабильности и роста. Однако для таких стран, как Италия, где обслуживание долга составляет уже 3,8% ВВП (по состоянию на 2023 год) против 1,7% у Франции и 0,9% у Германии, наращивание военных расходов за счёт новых долгов лишь усугубит бремя процентных выплат. Именно поэтому всё громче звучат призывы к созданию общеевропейского долга для нужд перевооружения. И тут все взоры обращены к Берлину. Трудно представить, что Германия сможет беспрепятственно наращивать военные расходы, если этот процесс не будет институци-

онально вписан в рамки общеевропейского оборонного курса.

В коалиционном соглашении нового правительства Германии говорится: «Ввиду эпохального геополитического разрыва Европа должна выработать всеобъемлющий стратегический суверенитет. [...] Мы привержены Европейскому оборонительному союзу для укрепления европейской опоры НАТО». Европейское софинансирование оборонного потенциала не исключается, но это «в первую очередь» обязанность стран-членов; схемы финансирования вне бюджета ЕС, как это было в случае с Next Generation EU, должны оставаться «исключением».

Быстрота, с которой было сформировано и приведено в действие новое германское правительство, наглядно демонстрирует диалектику империалистической демократии как политической оболочки диктатуры капитала в борьбе властей. Переговоры, которые в других случаях растягивались на месяцы, были сведены к нескольким неделям.

Через 9 дней после выборов председатели ХДС/ХСС и СДПГ – Фридрих Мерц и Ларс Клингбайль – объявили о достигнутом соглашении: военные расходы свыше 1% ВВП будут выведены из-под действия конституционного «долгового тормоза», а также будет создан инвестиционный фонд объёмом 500 миллиардов евро для модернизации инфраструктуры. По прогнозам немецкой прессы, это решение может позволить Германии привлечь до 1 триллиона евро нового долга для финансирования перевооружения. Спустя 23 дня после выборов и ещё до создания новой палаты уходящий Бундестаг одобрил необходимую для этого поправку к конституции. Через 26 дней после выборов она была утверждена в Бундесрате, где представлены федеральные земли. Когда через 45 дней после выборов ХДС/ХСС и СДПГ официально представили своё коалиционное соглашение, ключевое решение этой «большой коалиции» уже было реализовано. И это стало возможным благодаря «широкой коалиции» перевооружения: без голосов фракции «Зелёных» поправка к Конституции не была бы одобрена Бундестагом; к тому же в Бундесрате за неё проголосовали и те земли, где у власти находится *Die Linke* – хоть их поддержка и не была решающей.

Сближение Европы и Великобритании

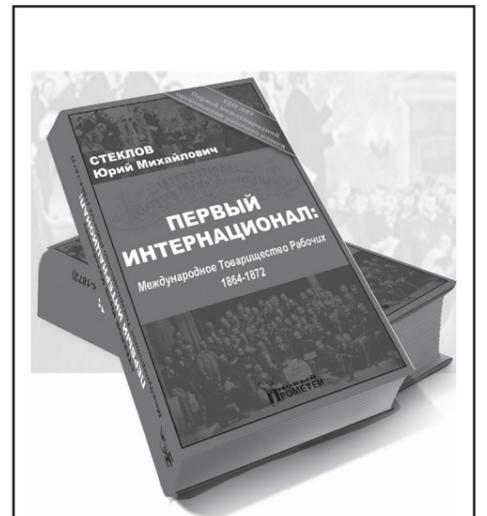
Ещё до официального вступления в должность канцлера Мерц фактически начал действовать как глава правительства. Он встретился с президентом Франции Эмманюэлем Макроном и выразил готовность обсудить с ним вопросы ядерного сдерживания. Кроме того, в интервью *Handelsblatt* от 14 апреля он сообщил, что говорил с Макроном и премьер-министром Польши Дональдом Туском о «дальнейшей интеграции внутренних рынков и, прежде всего, Союзе рынков капитала». По этому вопросу он также хочет привлечь премьер-министра Великобритании Кира Стармера, поскольку тот видит «прекрасную возможность» создать «шаг за шагом общее экономическое пространство даже без полного членства в Европейском союзе», с участием «Великобритании, Норвегии, Швейцарии и даже Турции».

Реакция Лондона последовала незамедлительно. Уже 15 апреля британ-

ский посол в Германии Эндрю Митчелл заявил на страницах *Handelsblatt*, что Соединённое Королевство хочет «как можно скорее заключить двусторонний договор с новым правительством Германии», который «укрепит экономику и торговлю» и «углубит сотрудничество по вопросам обороны и безопасности». Он также напомнил, что в октябре прошлого года Соединённое Королевство уже заключило с Германией оборонное соглашение «Тринити-Хаус». Отметим, что это военное соглашение также включает структурированный диалог по ядерным вопросам.

Что касается отношений с ЕС, в Брюсселе опасаются, что США могут попытаться заблокировать движение Великобритании в сторону ЕС, предложив ей торговую сделку (*The i Paper*, 16 апреля). Пока эти планы не увенчались успехом, и, как сообщается, Стармер собирается подписать соглашение с ЕС: в обмен на уступки по вопросам рыболовства и согласования продовольственных стандартов, Лондон получит доступ к европейскому фонду SAFE в размере 150 миллиардов евро (*Times*, 22.04.2025). Предстоящий саммит ЕС–Великобритания 19 мая может стать моментом истины для оценки устойчивости британского курса на сближение с Евросоюзом – на фоне меняющихся условий в трансатлантических отношениях.

Lotta comunista, апрель 2025 г.

Степалов Ю.М.

Первый интернационал: Международное товарищество рабочих. 1864-1872

512 стр., твёрдый переплёт, издание дополнено предисловием издателя, биографией автора, приложением из документов Первого Интернационала, работ К. Маркса и Ф. Энгельса, относящихся к данной тематике, а также статьёй Д.Б. Рязанова «Международное товарищество рабочих. I. Возникновение первого Интернационала» (из книги: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924), хронологией, фотографиями, биографическим справочником, перечнем упомянутых в книге периодических изданий и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

Читая Ленина

Среди текстов любой научной школы имеются такие, которые разделяют её представителей на более или менее непримиримые течения. Внутри марксистской традиции одним из таких текстов, несомненно, является брошюра Ленина «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения». С одной стороны, эту работу считают своей ленинисты, троцкисты и сталинисты. С другой – её жёстко критикуют представители немецко-голландского левого коммунизма. Если критика со стороны последователей Германа Гортера и Антона Паннекука легко объяснима, то *формальное единство* ленинистов, троцкистов и сталинистов в оценке «Что делать?» как минимум должно вызывать вопросы, которые требуют осмысления и ответа. Но оставим эту проблему для отдельного исследования, важность которого в данный момент значительно уступает другому вопросу, который по непонятным причинам остаётся без должного внимания всех тех, кто обращается к данной работе Ленина с намерением почерпнуть из неё что-то для современной борьбы рабочего класса.

Борьба с экономистским вариантом оппортунизма, с кустарничеством, кружковщиной, роль газеты в организационном строительстве – эти и другие важнейшие вопросы, на которые Ленин дал ответ в этой работе, не остались без внимания: их изучали, о них спорили, их брали на вооружение. Но при этом многие упускают из виду тезис, который проходит красной нитью через всю ленинскую работу: «Сила современного движения – пробуждение масс»¹. Именно это пробуждающееся движение масс Ленин и хотел объединить вокруг газеты – коллективного агитатора, пропагандиста и организатора, именно в него он хотел внести *политическое сознание*, именно ему собирался дать организацию революционеров.

Работа Ленина была написана осенью 1901 – в феврале 1902 года, то есть, пользуясь введённой позднее им самим периодизацией, она относится ко второму периоду распространения марксизма, который завершился революцией 1905 года в России и «отличается от первого «мирным» характером, отсутствием революций. Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них ещё не дорос»². Но в России уже тогда были налицо признаки начала стихийного подъёма массового рабочего движения, которые требовали перехода от кустарной пропагандистской работы разрозненных рабочих кружков к созданию централизованной организации профессиональных революционеров.

Эти признаки были видны не только Ленину – их не могла не заметить, например, и Роза Люксембург, которая в 1904 году, полемизируя с лидером большевиков по организационному вопросу, вполне сходилась с ним в том, что начало первого этапа действительно пролетарского массового движения в России связано со «стихийной вспышкой колоссальной Петербургской стачки 1896 г.»³ (о её значении мы писали в марте 2017 года). Не осталось это без внимания и царской охранки, которая попыталась направить массовое стихийное движение рабочих в русло «зубатовского социализма».

В заключении к «Что делать?» Ленин даёт периодизацию истории русской социал-демократии. Первый период «возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии» приходится на десятилетие 1884–1894 годов. Тогда «число сторонников нового направления в России измерялось единицами.

Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития». Второй период – 1894–1898 годы. Именно на него приходится начало стихийного подъёма рабочего движения. «Социал-демократия появляется на свет божий, как общественное движение, как подъём народных масс, как политическая партия. Это – период детства и отрочества. С быстрой эпидемией распространяется повальное увлечение интеллигенции борьбой с народничеством и хождением к рабочим, повальное увлечение рабочих стачками. Движение делает громадные успехи. Большинство руководителей – совсем молодые люди»⁴. Третий начинается в 1898 году. «Это – период разброда, распада, шатания», когда «брели розно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперёд. Пролетарская борьба захватывала новые слои рабочих и распространялась по всей России, влияя в то же время косвенно и на оживление демократического духа в студенчестве и в других слоях населения»⁵. Именно на этот период пришлось написание «Что делать?».

Третий период истории российской социал-демократии совпадал по времени с окончанием второго периода распространения марксизма, то есть Россия *дорастала* до начала буржуазно-демократических революций. Не учитывать этого факта – обращаясь ли за уроками к «Что делать?», критикуя ли эту ленинскую работу – значит не понимать её, не связывать её с конкретными историческими условиями. Показательным является тот факт, что самая жёсткая критика ленинизма исходит от немецко-голландской левой, то есть из той среды пролетарского интернационализма, которая давно пережила буржуазную революцию.

Положение там было близко к тому, что наблюдалось уже во второй половине XIX века в Англии и США. 6 (19) апреля 1907 года в «Предисловии к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.»» Ленин дал исчерпывающую характеристику ситуации в этих странах: «[...] нет никакой систематической, выдержанной с.-д. политики»⁶. Пролетариат не проявляет «почти никакой политической самостоятельности. Политическая арена в этих странах – при почти абсолютном отсутствии буржуазно-демократических исторических задач – была всецело заполнена торжествующей, самодовольной буржуазией, которая по искусству обманывать, развращать и подкупать рабочих не имеет себе равной на свете»⁷.

В этой же работе Ленин обращает внимание на то, что для таких стран Фридрих Энгельс указывал на «важность самостоятельной рабочей партии, хоть с плохой программой»⁸. И это ещё не всё: «в таких странах Маркс и Энгельс учили социалистов во что бы то ни стало рвать узкое сектантство и примыкать к рабочему движению, чтобы политически встряхнуть пролетариат»⁹.

Сегодня весь западный мир живёт при *отсутствии буржуазно-демократических исторических задач*. Они давно решены. Политическая арена во всех этих странах всецело заполнена торжествующей, самодовольной буржуазией. Следует ли из этого, что марксистам, ведущим работу в развитых империалистических метрополиях, сегодня необходимо *рвать узкое сектантство и примыкать к рабочему движению, чтобы политически встряхнуть пролетариат?* Казалось

бы, что да. Замыкание в узких пропагандистских секторах, хранящих чистоту программных принципов, является в таких условиях не чем иным, как растянута во времени смертью. Но при этом встаёт другая проблема: как это делать в отсутствии массового рабочего движения?

Думается, что прежде всего необходимо дать верную оценку нынешнего этапа капитализма. В современном нам обществе в основном, а в западном мире в целом, завершилось разложение крестьянства. По данным Всемирного банка, за период с 1960 по 2022 год доля городского населения выросла с 33,6 % до 56,9 %. В России, например, эта доля составляет порядка 75 %. Вместе с этим следует констатировать, что для всех стран зрелого империализма наступил период демографической зимы, а патриархальная семья со свойственной ей многодетностью ушла в прошлое. К этому следует добавить замедление экономического роста: во многих странах он сейчас составляет 0,5–1 %. Это существенно отличается от тех условий, которые видели перед собой классики марксизма, прослеживая следующую логику общественного развития: быстрые темпы капиталистического развития сопровождаются резким обострением классовых противоречий, положение пролетарских масс становится всё более невыносимыми и это порождает рост стихийной классовой борьбы рабочего класса. В подобных условиях задача *сознательных выразителей бессознательного процесса* заключается в развитии революционного сознания, создании революционной партии. На лицо единство революционной теории и практики.

Сейчас высокие темпы капиталистического развития, сопровождающиеся ростом промышленного производства, разложением крестьянства и миграцией населения в города мы видим в Юго-Восточной Азии, Мексике и некоторых государствах Африки, но и там этот процесс или уже замедляется, или будет замедляться. Ждать роста стихийной классовой борьбы наёмных работников марксистам развитых империалистических метрополий сегодня точно не приходится. Можно создавать партию, можно утверждать, что перед ней стоят задачи революционного преобразования окружающей действительности, но при этом не следует забывать, что освобождение рабочего класса может быть делом лишь самого рабочего класса. «Для уничтожения идеи частной собственности вполне достаточно идеи коммунизма. Для уничтожения же частной собственности в реальной действительности требуется действительное коммунистическое действие»¹⁰, – утверждал Карл Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Как совместить революционную теорию с отсутствием условий для революционной практики? Вот ключевой вопрос современного марксизма. Чтобы ответить на него, надо для начала не бояться его поставить. Следует задуматься над ним. Необходимо искать на него ответ.

Природа сама по себе не является неподвижной и неизменной субстанцией, неспособной к развитию и творению новых и более богатых форм. Уже в природе, в материи заложены силы, действие которых приводит – при наличии благоприятных условий – к возникновению сознания, сознательных существ. Следовательно, и общество не является пассивным, неподвижным, оно способно к действию, уже обладает сознанием. Современное массовое общественное сознание неизбежно является

буржуазным, оно направлено на консервацию существующих отношений, приспособление к ним.

Страждущие рабы искали спасение в идеальном неземном мире религии, благоговели перед богатством и силой церкви, страждущие наёмные рабы капиталистического мира надеются обрести спасение в материальном земном мире капитала, они благоволят перед его богатством и силой. Это колоссальный диалектический скачок. Сколько времени потребуется для скачка из мира наёмного рабства в мир действительной свободы? Вряд ли кто-то способен дать ответ на этот вопрос. Да и не стоит тратить на это силы. Но важно не заниматься самообманом – путь будет длинным, дорога в царство действительной свободы ещё предстоит найти.

Как писал Ленин в «Что делать?», чтобы стать авангардом пролетариата, недостаточно объявить себя таковым, следует «действовать так, чтобы все остальные отряды видели и вынуждены были признать, что мы идём впереди»¹¹. А идти вперёд можно, лишь осознав исходную точку движения – только после этого можно определить формы и направление его развития.

Апрель 2025 г.

- 1 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 6. С. 28.
- 2 – Там же. Т. 23. С. 3.
- 3 – Люксембург Р. Организационные вопросы русской социал-демократии. Минск, 1932. С. 15.
- 4 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 6. С. 180.
- 5 – Там же. С. 181.
- 6 – Там же. Т. 15. С. 243.
- 7 – Там же. С. 244.
- 8 – Там же. С. 235.
- 9 – Там же. С. 243–244.
- 10 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 42. С. 136.
- 11 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 6. С. 83–84.

В. И. НЕВСКИЙ История РКП(б). Краткий очерк.

Издательство
АНО «ЦМИ «Новый Прометей»»,
2009 804 страницы,
твёрдый переплёт,
автобиография автора,
приложения,
статьи В. И. Невского
«Ленин как материалист
в своих ранних работах»,
«Философия мёртвой реакции»,
карты, схемы и иллюстрации,
примечания, хронология,
библиография,
биографический справочник,
справочник периодических изданий

ISBN: 978-5-9901606-1-3

Цена 450 руб.

Демография и революция

В 1919 году вышла книга Джона Кейнса “Экономические последствия Версальского мирного договора”, на которую Владимир Ленин обратил внимание на Втором Конгрессе Коммунистического Интернационала, указав на «непреклонную решимость» автора «защитить капитализм»¹. Лидер большевиков заинтересовался книгой английского экономиста потому, что тот выдвинул предложение аннулировать все долги между государствами. Кроме того, это была наглядная демонстрация того, что все речи «о войне за свободу» и т. п. были сплошным обманом, что в результате обогатилось только незначительное число, а остальные разорились и попали в кабалу»².

Эти темы заслуживают отдельного размышления. Мы же обратим внимание на то, как в той же самой книге Кейнс связывает демографический фактор с началом эпохи войн и революций: «Европейская часть России увеличила своё население [...] от менее 100 млн в 1890 г. до 150 млн к началу войны. В год, непосредственно предшествующий 1914, превышение рождений над смертями в России было впечатляющим – более 2 млн в год. Этот необыкновенно стремительный рост [...] представляется одним из наиболее существенных факторов недавних лет. Великие события истории часто обязаны медленно вековому ходу роста населения и другим фундаментальным экономическим причинам, которые, благодаря своему постепенному характеру, ускользают от внимания современных наблюдателей и потому приписываются слабостям государственных деятелей или фанатизму атеистов. Необычайные события, произошедшие за последние два года в России: величайший переворот общества, опрокинувший то, что казалось столь незыблемым – религию, основы собственности, землевладения, а также формы государственного устройства и иерархию классов, быть может, больше обязаны глубоко влиянию возрастающей численности населения, чем Ленину или Николаю; могущество избыточной плодовитости могло сыграть большую роль в разрушении устоев общества, чем сила идей или ошибки самодержавия»³.

Безусловно, демографический фактор в данном случае является лишь отражением процесса бурного капиталистического развития, которое тогда переживала вся Центральная и Восточная Европа, вступившая вслед за Западной в эпоху буржуазных революций, которые повсеместно сопровождалась ускоренным процессом разложения крестьянства, ростом городов и промышленного пролетариата. Среднегодовые темпы роста промышленного производства России в 1870–1913 годах составляли более 5,1 %, Германии – 4,1 %. Население этих стран в тот же период росло на 1,65 и 1,16 % ежегодно, что соответствует темпам демографического роста современной Индии. Это развитие вступало в противоречие с устаревшими военно-феодальными политическими оболочками, а быстрый рост капитализма сопровождался ростом классовых противоречий и стихийным подъёмом борьбы пролетариата и крестьянства. Это была эпоха молодых. Например, в Петербурге 1917 года 57,7 % рабочих были в возрасте от 18 до 40 лет, а ещё 10,5 % являлись несовершеннолетними.

Процессы индустриализации и урбанизации, свойственные эпохе буржуазных революций, повсеместно сопровождалась новым феноменом, который французский демограф и экономист Адольф Ландри в работе 1934 года “Де-

мографическая революция” назовёт «нерождаемость». Отметим, что Ландри, будучи министром в правительстве Пьера Лавалья, обратился к проблемам демографии в свете противостояния французского и немецкого империализма.

В европейской части России общий коэффициент рождаемости в 1891–1900 годах, на которые пришёлся период стихийного подъёма рабочего движения, составлял 49,2 на тысячу населения, но уже в 1928 году он сократился до 43,8. В России на тот момент процессы индустриализации и урбанизации были ещё далеки от завершения, в сельской местности была широко распространена патриархальная семья – следовательно, причину сокращения рождаемости следует скорее связывать с ростом женской занятости.

Вторая особенность, на которую обращает внимание Ландри, «это скорость снижения рождаемости и его ускорение». В Германии, которая занимала ключевое место в революционной стратегии Ленина, рождаемость снизилась с 39,1 на тысячу в 1871–1880 годах до 15 в 1932 году, то есть на 62 %. При этом ещё в 1912 году для Германии этот показатель составлял 35,1 на тысячу – таким образом, за 20 лет произошло снижение на 57 %. «Человек всё больше и больше ограничивает деторождение, приближая момент, когда человечество больше не воспроизводит себя полностью. Разве это не революция?», – задаётся вопросом автор. С выбором термина можно поспорить – так, другой знаменитый французский демограф, Альфред Сови, вдохновлённый исследованиями Ландри, назвал данный феномен демографическим переходом. Однако суть процесса, который сам Ландри признавал ещё не оконченным, была ухвачена верно.

Этот процесс не исчерпывался лишь “нерождаемостью” – он сопровождался также ростом средней продолжительности жизни, или “ожидаемой продолжительности жизни при рождении”. Во Франции для мужчин в 1920–1925 годах она составляла 52,2 года по сравнению с 38,3 года в 1825-м, в Англии – 55,6 года в 1920-м по сравнению с 39,9 в 1845-м, в то время как в Индии в 1905 году она была всего лишь 22,6 года. В Западной Европе, прошедшей эпоху буржуазной революции, демографический переход завершился, в то время как Азия ещё стояла на их пороге.

Родившийся в 1928 году в Кембридже Сергей Капица, сын нобелевского лауреата по физике Петра Капицы, известен прежде всего как выдающийся учёный-физик, просветитель и телеведущий, но он, особенно в последний период своей жизни, также серьёзно занимался изучением демографии. В 1999 году вышла его книга “Сколько людей жило, живёт и будет жить на Земле”, в которой он делает предположение, что после завершения демографической революции в так называемых развивающихся странах – так как в странах развитого капитализма она уже завершена – произойдёт «переход к режиму стабилизации населения, при котором рождаемость и смертность будут асимптотически стремиться к одинаковым значениям».

Это, мягко скажем, оптимистический взгляд на проблему: общество империалистической зрелости повсеместно приводит к тому, что смертность становится выше рождаемости, население сокращается.

Итак, с одной стороны, в современном империалистическом мире проис-

ходит сокращение населения и глубокие изменения его возрастного состава. С другой стороны, мы являемся свидетелями эпохальных миграций, а поскольку все люди принадлежат к одному виду *Homo sapiens*, следовательно, все они – вне зависимости от цвета кожи или каких-то ещё признаков – способны к смешению и социальному обмену, что подтверждено всей предыдущей историей человечества.

Какова же ситуация в современной России, которая в начале XX века была средоточием противоречий, вызванных быстрым капиталистическим и демографическим ростом, а потому являлась слабым звеном в империалистической цепи? Старение населения достигает беспрецедентной величины. Средний возраст населения России, который ещё в 1995 году составлял 36 лет, перевалил за 40. Растёт доля населения старше 60 лет. В 1989 году она составляла 15 % от общей численности населения, в 1995 году – 17 %, а на начало 2023 года достигла 23,5 %. Война на Украине, которая в основном уносит жизни молодёжи, ещё более увеличила долю пожилого населения.

Увеличение продолжительности жизни и сокращение рождаемости ведут к росту нагрузки на систему социального обеспечения и медицинского обслуживания. Этот процесс сопровождается изменением структуры семьи. Последняя Всероссийская перепись населения, проводившаяся в 2021 году, выявила, что среди всех российских домохозяйств (66,1 млн) самые частые – состоящие лишь из одного человека. Таковых насчитали 27,6 млн, или 41,8 %, причём с начала века доля одиночек выросла почти вдвое. В Москве доля домохозяйств из одного человека за последние 20 лет выросла с 27 до 52 %, а в Санкт-Петербурге – с 24 до 49 %. Сейчас каждая четвёртая семья в России не имеет детей, а в 2014 году таковых было 22 %. Россия завершила демографический переход. Она – часть развитого капиталистического мира, в котором действует закон народонаселения поздней империалистической зрелости.

Изменения в современном нам мире происходят столь стремительно, что ни отдельные лица, ни общество в целом не успевают адаптироваться к новым обстоятельствам. Вывод Капицы подтверждает наши размышления: «Никогда прежде мир не переживал ничего подобного, за исключением самого возникновения человека и человечества. Но антропогенез занял миллионы лет, а главной особенностью демографического перехода стала его краткость. Именно ударность, обострённость перехода, когда его характерное время – 45 лет – оказывается даже меньше средней продолжительности жизни в 70 лет, стала наиболее чувствительной для современников чертой переживаемого времени».

Происходящие количественные изменения в мировой демографии неизбежно должны перерастать в качественные, следствием чего является такой же диалектический скачок в системе труда и производства.

В 2002 году в журнале “Мир России” была опубликована статья Капицы “Модель роста населения Земли и предвидимое будущее цивилизации”. Автор пишет: «В самое ближайшее время центр развития переместится в Азиатско-Тихоокеанский регион. Тихий океан станет последним “Средиземноморьем” планеты, где Атлантика была вторым, а Средиземное море – первым. Только

учитывая динамику этого региона, выраженную в росте населения, можно делать какие-либо выводы о мире, в котором предстоит жить нашим внукам и правнукам, – мире, где Европа навсегда станет малочисленной окраиной». Миграционные потоки уже корректируют этот демографический прогноз учёного. С политической же точки зрения следует заметить, что данный тезис Капицы сегодня, несомненно, играет на руку тем течениям российского империализма, которые в своих интересах обращаются к теории Данилевского и других сторонников упадка Европы. Другой же его прогноз реализуется на наших глазах: «В настоящее время, в конце обширной эпохи взрывного роста, в критические годы демографической революции историческое время сжато в исключительно короткий интервал, что привело к разрушению исторически сложившихся связей и дестабилизации развития». Рост экономического национализма, войны кризиса империалистического порядка как раз и являются следствием разрушения исторически сложившихся связей и дестабилизации, вызванной неравномерным капиталистическим развитием.

Мир на пороге глобальных потрясений, но условия совсем не те, о которых писал Кейнс и в которых действовали большевики. Капитализм, несомненно, может выйти из грядущих глобальных потрясений обновлённым, даже ценной войн и разрушения производительных сил, главной из которых является пролетариат. Перед пролетариатом же открывается возможность для преодоления этого варварского способа производства. Поэтому перед вооружёнными марксистской теорией сознательными выразителями бессознательного процесса стоит задача формирования такой партии, которая в условиях, отличных от эпохи буржуазных революций, сможет развернуть революционную пропаганду и развить классовое сознание пролетариата.

Май 2025 г.

- 1 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 41. С. 223.
- 2 – Там же. С. 225.
- 3 – Кейнс Дж. М. Экономические последствия Версальского мирного договора. М., 1922. С. 6.

Ренато Пасторино

Их политика и наша политика

288 страниц, твердый переплет,
список аббревиатур, хронология,
библиография,
биографический справочник.

ISBN 978-5-6042357-2-0

Цена 350 руб

Гиганты Азии: 70-летие Бандунгской конференции

Неуклюжее танго Слона и Дракона

Прошло 70 лет после Бандунгской конференции. Тогда Индия, Китай и Индонезия были молодыми развивающимися капитализмами, а Япония, присутствовавшая в качестве наблюдателя, – побеждённым империализмом. В результате неравномерного империалистического развития некоторые из вчерашних неприсоединившихся стран стали новыми азиатскими державами.

Сьюй Фэйхун, ранее посол в Афганистане и Румынии, теперь представляет Китай в Индии; он является делегатом Китайской народной политической консультативной конференции, «палаты лордов» мандаринского плюрализма. На страницах *Times of India* он пишет, что две ежегодные парламентские сессии – Национального собрания и Консультативной конференции – проливают свет на то, что происходит в Китае.

Посол выделяет три ключевых понятия:

Рост: Пекин проводит активную бюджетную и стимулирующую денежно-кредитную политику, чтобы сохранить темпы роста на уровне 5% – вдвое ниже, чем в период империалистического взлёта прошлых десятилетий. Для достижения этой цели дефицит бюджета доведён до 4% ВВП – один из самых высоких показателей со времён поворота Дэн Сяопина в 1978 году. Эта линия соответствует взглядам Ю Юндина, представителя китайского кейнсианства. Также планируется выпуск долгосрочных государственных облигаций для продолжения реструктуризации задолженности провинций.

Инновации: после неожиданного прорыва в сфере искусственного интеллекта, технология сверхбыстрой зарядки, представленная группой BYD, воспринимается как «момент DeepSeek» в автомобилестроении. Возможность зарядить аккумулятор за пять минут и получить запас хода в 400 километров практически выводит электромобили на один уровень с традиционными по удобству использования. Китай завершит 14-ю пятилетку (2021–2025) и план «Made in China 2025» под знаком масштабной промышленной реструктуризации.

Открытость: Пекин полностью снял ограничения на иностранные инвестиции в обрабатывающую промышленность и планирует возобновить одностороннюю либерализацию китайского рынка – в том числе как ответ на торговую войну с США. Это предложение адресовано широкому кругу государств в зависимости от уровня их индустриализации и концентрации капитала.

Для Индии речь идёт об экспорте товаров в Китай и получении взамен китайских инвестиций в промышленность и, возможно, инфраструктуру. Пекин сможет предложить более ёмкий рынок, стабильные цепочки поставок и «дивиденды развития». Два азиатских гиганта, заключает Сьюй, могли бы станцевать «танго Дракона и Слона».

“Make in India” с китайским капиталом

Эта формулировка переключается с «танцем Дракона и Слона» – образу, который использовало Министерство иностранных дел Китая в ответ на недавние инициативы по сближению, исходившие от Нарендры Модии.

По словам индийского премьера, Дели и Пекин стремятся вернуть отношения на уровень, предшествующий военному столкновению в Ладакхе в 2020 году. Потенциальным сигналом к этому мог бы стать отказ Индии от программы стимулов для развития внутреннего производства (Production Linked Incentive), которая, по сути, обернулась антикитайским протекционизмом. По выражению Си Цзиньпина, решающим фактором могли бы стать «совместные шаги Дракона и Слона».

Однако дипломатический балет едва ли способен скрыть соперничество двух азиатских империализмов. Раджа Мохан, патриарх индийского реализма, пишет во втором номере журнала *India's World*, что наследие британского правления (Раджа), включая идею индийской региональной сферы влияния, сегодня подвергается вызову со стороны Китая. Решающие удары по региональной роли Индии были нанесены не Лондоном, в результате распада старой Британской империи, а Японией во время второй великой империалистической войны. Азиатский поход Страны восходящего солнца потерпел поражение, но ускорил уход Великобритании с субконтинента, что привело к решению с тяжёлыми последствиями – разделу Индии и Пакистана. Потеряв часть территории и влияния, накопленных за два столетия, Индия, при всех протестах, уже не могла помешать США, СССР и Китаю вмешиваться в дела региона.

Пекин бросает вызов наследию Раджа

С точки зрения Раджи Мохана, символично, что раздел Индии совпал по времени с объединением Китая под властью националистического режима КПК. Эти противоположные итоги империалистической войны заложили основы для принципиально разных исторических путей двух азиатских гигантов. Сегодня, чтобы претендовать на зрелую региональную роль, Индия должна, по меньшей мере, добиться примирения с Пакистаном и Бангладеш – иначе Пекин будет и дальше использовать в своих интересах болезненное наследие раздела субконтинента.

«Идеи регионального первенства Раджа сохраняются в стратегическом мышлении Индии, даже несмотря на изменившуюся обстановку и растущий разрыв между амбициями и ресурсами. Эпоха экономических реформ, начавшаяся в 1990-х годах, принесла некоторое оживление, поскольку ускорение роста позволило Индии претендовать на более значительную региональную роль. Однако восхождение Китая в XXI веке, напоминающее подъём Японии в 1930-х годах, делало региональные проблемы Индии всё более сложными».

Дхрува Джайшанкар – исполнительный директор ORF America, филиала Observer Research Foundation, связанного с группой Амбани и близкого к правительствам БДП, а также сын министра иностранных дел. В «Вишва Шастра» («Трактат о мире», 2024) он рассуждает о том, что восхождение Китая сегодня определяет почти все аспекты индийской внешней политики. Китайский фактор, конечно, не нов в индий-

ской истории, но впервые он становится доминирующим.

Взлёт сдерживается сепаратизмом и закрытостью

Автор отмечает, что политика многовекторного присоединения всегда была частью индийской дипломатической традиции. Однако до отказа от экономического изоляционизма в 1991 году она оставалась скованной принципами неприсоединения времён холодной войны. Войны с Китаем и Пакистаном ещё больше ограничили возможности Индии, толкнув Дели в объятия Москвы. Индира Ганди могла бы рассмотреть возможность заключения сделки с Пекином, но её опередил Генри Киссинджер. Пока Дракон открывался для международного капитала, Нью-Дели оставался в ловушке: между внутренней угрозой сепаратизма и режимом чрезвычайного положения – в условиях замкнутой экономики. По словам магната Дж. Р. Д. Тата, это была упущенная возможность.

Единство индийского государства, подтачиваемое сепаратизмом, носит на себе глубокие шрамы от политических убийств – Индиры и Раджива Ганди, а также Махатмы Ганди. Отказ от курса неприсоединения после распада СССР произошёл в обстановке смятения. В 1991 году, на фоне кризиса платёжного баланса, вызванного скачком цен на нефть после интервенции США в Ирак, были начаты экономические реформы. Тогда же возобновились переговоры с Китаем по спорным границам – в 1992–1993, 1996, 2003–2005 и 2012–2013 годах. Тем временем «геоэкономический кризис» 2008 года выявил стратегический сдвиг: Запад находится в упадке, а Азия восходит.

За прошедшие тридцать лет Индия оказалась от относительного экономического изоляционизма и распространила свою региональную политику на спорные морские маршруты между Тихим и Индийским океанами. Понятие *Индо-Тихоокеанского региона*, изначально предложенное Японией, стало частью индийской стратегии как ключевой элемент регионального баланса. Одновременно укрепились связи с США, Европой и Японией, а риторика «третьего мира» была заменена риторикой развивающейся державы, ориентированной на так называемый «Глобальный Юг».

Дхрува Джайшанкар утверждает: «Несмотря на весь свой прогресс, Индия сталкивается со своим крупнейшим стратегическим вызовом в лице Китая. КНР – однопартийное государство, которое продолжает претендовать на обширные участки индийской территории, и чья экономика с 1980-х годов росла быстрее, чем индийская. Возвышение Китая первоначально открыло перед Индией экономические и институциональные возможности. Однако последние события на спорной границе, в регионе Индийского океана, в международных институтах ясно показали, в какой степени политика Пекина является препятствием для восхождения Индии в отношении её внешнего окружения, её морской безопасности, её региональных устремлений и глобальных целей».

Кризис порядка и возможности

В таких обстоятельствах концепция многовекторного присоединения всё

больше отступает перед необходимостью противостоять Китаю. Тактическое сближение Слона и Дракона остаётся возможным: стратегическое соперничество всё равно придётся контролировать, выигрывая время для укрепления военного и экономического потенциала Индии. Для этого Дели придётся просить о взаимности в вопросе о доступе на китайский рынок, а ради увеличения экспорта, вероятно, придётся согласиться выпустить китайский капитал.

Хаппимон Джейкоб, бывший студент Мохана в делийском Университете имени Дж. Неру, является колумнистом *Hindustan Times*, ежедневной газеты, принадлежащей семье Бирла и базирующейся в Нью-Дели. В серии статей он рассматривает возможности, которые открывает «глобальный политический кризис», открытый вторым президентством Трампа. Парадоксальным образом, частичный разрыв между США и Китаем может дать Индии больше свободы в проведении многовекторной внешней политики. И Дели, по его мнению, должен использовать эту передышку для укрепления связей с другими великими державами. «Подобно тому, как конец Второй мировой войны сформировал нынешний международный порядок, трамповский разлом может проложить путь к новому мировому порядку, и Нью-Дели должен приветствовать такой исход. Ситуация даёт Индии шанс вступить в диалог с европейскими государствами [...]. Европа, униженная Америкой, как никогда готова прислушаться к мнению неевропейских держав, таких как Индия».

Дели должен смотреть на Европу и Японию, не забывая о России и сохраняя при этом связи с Вашингтоном: в условиях хрупкого равновесия речь идёт о том, чтобы поддерживать желание Америки использовать Индию в качестве прокси против Китая – при этом не становясь этим прокси и не усиливая конфронтацию с азиатским соперником.

Даже для Джейкоба отношения с Пекином остаются наиболее проблемными. Индия должна укреплять свои возможности, «дожидаясь подходящего момента, надеясь, что Китай не будет предпринимать активных действий в это время, и полагаясь на торговлю, чтобы ослабить двустороннюю напряжённость, а также искать партнеров для косвенного поддержания баланса».

Из-за своего империалистического потенциала сочетание китайского капитала и демографической массы Индии вызовет тревогу у многих держав, если только Китай, Америка, Европа и Япония не начнут соперничать за возможность инвестировать в индийскую экономику и не преодолеть «узкие места», которые до сих пор сдерживали открытость Индии: речь о новой игре колоссальных масштабов.

Что касается танца двух азиатских гигантов – если он вообще состоится, – то индийские комментаторы склонны видеть в нём лишь временное ослабление глобального кризиса порядка. Но, наблюдая за неуклюжими шагами партнёров, можно с уверенностью сказать: Слон и Дракон рано или поздно наступят друг другу на ноги.

Новое издание «Государства и революции»

Государство и кризис порядка

Из предисловия к вышедшей на итальянском языке книге Владимира Ленина «Государство и революция».

Либеральная теория сегодня переживает кризис, потому что не может распутать хитросплетение новых отношений силы между государствами и между различными политическими формами. Пока баланс сил в мире был склонён в пользу старых империалистических держав и их крупных групп, либералы пели дифирамбы глобализации и победе демократии, своей системе международных правил, Вашингтонскому консенсусу, вплоть до того, что выдавали крах российского государственного капитализма за смерть коммунизма.

Только мы, революционные марксисты, знали, что триумф капитализма будет собой представлять «триумф неравномерного развития и ускоренного роста всех экономических и политических противоречий этого способа производства, его классовый бой, войн, революций»¹, как писал Арриго Черветто в 1993 году. Это было лишь вопросом времени.

Главный экономист *Financial Times* Мартин Вулф в своей последней книге «Кризис демократического капитализма» выступает с пессимистических позиций и присоединяется к тезису бывшего главы Банка Англии Мервина Кинга о радикальной неопределённости. Он вынужден признать, что «другой стороной экономического успеха глобализации» стало «восхождение Китая и, в меньшей степени, Индии». «Это привело к смещению баланса глобальной экономической и политической силы в сторону Китая и его системы бюрократического абсолютизма»; это, вероятно, укрепит политические формы «либеральной демократии» и «демагогической автократии».

Пока прибыль и капитал обильно текли в крупнейшие финансовые центры Америки и Европы, сам Вулф был настроен гораздо более оптимистично и успокаивал всех из своего воздушного замка, что мир видел более опасные вещи, «чем китаец, вооружённый чековой книжкой».

Теперь сила этих чеков исчисляется триллионами долларов, с помощью которых пекинский выскочка поглощает западные экономические группы и проникает на все рынки, ранее считавшиеся исключительными угодиями старых держав. Но главное, что империалистический Пекин демонстрирует готовность защитить свои приобретения авианосцами и ядерными ракетами, как это всегда делал Запад. Вот почему мастера светской мысли готовятся к бою, призывая всех на защиту «демократического капитализма» против «автократий», угрожающих их великим идеям свободы и ценностям открытого общества. Как только время мягкой глобализации заканчивается, в моду снова входят протекционистская политика и перевооружение.

Идеология, как обычно, взбаламутила воду, поднимая со дна различные осадки из прошлых эпох, чтобы приспособить их к насущным потребностям правящего класса. Так, Перикла и Джорджа Вашингтона записывают

в отцы сегодняшней демократии, не принимая во внимание, что они были продуктами борьбы классов совершенно других обществ: первый – защитник рабовладельческих Афин, а второй, примерно 2.300 лет спустя, тоже рабовладелец, но защитник буржуазной революции в Америке. Термины «тирания» и «автократия» используются для клеймения врагов западного империализма в информационных кампаниях, которые напоминают подготовку к военной мобилизации. Но тирания была порождением рабовладельческого общества и автократии, что само по себе сомнительный термин, поскольку ни одна политическая власть не правит сама по себе, он отсылает к феодальному абсолютизму, то есть и то, и другое относится к далёким и навсегда ушедшим эпохам. Иное дело – фашизм, нацизм и сталинизм, которые стали деформированными, наполовину отвергнутыми порождениями империалистической демократии, возникшими в чрезвычайных обстоятельствах.

Войны кризиса порядка кровью знаменуют начало борьбы, в которой, как обычно, за прокламациями, проповедями и красивыми словами скрываются прозаические интересы непрекращающегося передела мирового рынка и политических сфер влияния.

То, с какой растерянностью буржуазные политологи встречают смену эпох, для нас, коммунистов, выглядит почти трагикомично. Перечитывая прекрасное предисловие к этой книге, написанное более двадцати лет назад Роберто Казеллой, можно понять, почему с нашей точки зрения изменения, – это именно то, что позволяет марксистской науке двигаться, а либеральную науку заставляя корчиться в недоумении. Казелла подчёркивал, что прочный фундамент марксистской теории государства дал инструменты для того, чтобы разобраться, как форма национальных государств XIX века впервые оказалась настолько недостаточной перед лицом восхождения азиатских гигантов. Опираясь на этот фундамент, мы смогли на протяжении десятилетий продолжать интернационалистскую борьбу против объединяющего европейского империализма – империалистической демократии, осуществляющей своё господство через плюрализм властей разных уровней: местных, национальных, конфедеративных и федеральных.

Вольф воспринимает «либеральную демократию» как «сильного, но скованного Левиафана», гарантирующего наилучшее взаимодействие между экономикой и гражданским обществом. Ничего нового. Буржуазия хочет иметь сильное государство, даже вооружённое ядерной дубиной, чтобы с каменным лицом защищать свой бизнес за границей и свою собственность внутри страны. Им нужен Левиафан, щедрый на заказы, субсидии, помощь и защиту, особенно в голодные годы, но в то же время не слишком дорогостоящий и не слишком назойливый, не нарушающий их удобные свободы, позволяющий избегать ответственности и преследовать частные интересы.

Идеологический кризис либерализма приобрёл ещё более мрачные очертания,

когда под влиянием таких исторических коллизий, как вторжение Азии, финансовый и долговой кризисы, растущие миграционные потоки, вызванные бездетностью и дряхлостью обществ, утомлённых избытком и массовым индивидуализмом, мелкобуржуазные и собственнические слои старых метрополий с гневом ополчились против партий консенсуса. Они стали отдавать свои голоса политическим формированиям и персонажам, находящимся за рамками фундаментальных интересов наиболее сильных фракций буржуазии. Демагогические политические силы популистского и антилиберального толка нарушают баланс сил и механизмы представительства интересов в старых державах.

Именно поэтому в последние годы были пролиты реки чернил в попытке обратить внимание на то, что демократия рискует подорвать себя изнутри. По мнению Вулфа, демократия может выродиться из «мирной гражданской войны», гарантирующей свободу и процветание людей, в «диктатуру манипуляций» или даже «диктатуру страха». Согласно концептуальному синтезу, который предложил важный деятель из лагеря европейцев Сабина Кассезе в своей рецензии на книгу Вулфа, брак между экономической и политической свободой вступил в кризис. «Экономика стала глобальной, а государства и институты остались национальными. Пока в мире нарастает равенство, в государствах неравенство увеличивается. Экономические свободы приобретают более широкие масштабы, а политические свободы остаются в рамках национальных государств». В терминах нашего анализа, противоречие между единством мирового рынка и расколом буржуазной конкурентной борьбы обостряется в условиях кризиса порядка. Решение, по мнению либералов, заключается, во-первых, в расширении доступа к экономическим благам внутри страны, которые не должны чрезмерно концентрироваться в руках правящих классов и элит; во-вторых, необходимо укрепление крупных наднациональных институтов, регулирующих жизнь государств в их взаимоотношениях.

Этих теориях заново предлагаются и обновляются, по выражению Ленина, все «оппортунистические предрассудки о государстве». Не хватает только левой оценок свиты, пропагандирующей демократию как эволюционный этап на пути к социализму.

Возвращение к материалистической концепции политики, возвращение к изучению «Государства и революции» может предотвратить превращение рабочих и молодёжи в пешек на внутреннем фронте, которыми манипулируют глашатаи прав личности и нагнетатели страха, а на внешнем фронте – в пушечное мясо империалистических столкновений, которые ведутся с целью грабежа и беспринципного раздела под видом эпической борьбы «демократий» против «авторитарных держав».

Буржуазное общество предстаёт как огромная совокупность товаров, производимых огромной армией наёмных

рабочих, служащих, техников, инженеров, которые работают совместно несмотря на границы стран, моря, пустыни и огромные пространства, разделяющие их, формируя плотную сеть общественного труда. Гигантская масса богатства находится не в руках этих непосредственных производителей, ставших в нашем XXI веке большинством человечества, а в руках нескольких сотен финансово-экономических концентраций, которые в нынешнюю, империалистическую эпоху приобрели огромные размеры, действуют в разных странах и ведут неустанную борьбу за раздел рынка, за увеличение своих прибылей.

Для коммунистов это не столько проблема неравномерного распределения доходов или благ, которая, безусловно, существует, но, прежде всего, является внешним проявлением гораздо более глубокой проблемы контроля над общественными производительными силами. Борьба между крупными группами носит глобальный характер и в начале XX века впервые породила новый вид войны – мировую. Борьба между экономическими группами представляет собой непрекращающуюся динамику неравномерного развития. Закон концентрации капитала реализуется диалектически: новые группы вытесняют старые, капитал постоянно обновляется за счёт мелкого производства, одни фракции слабеют, а другие усиливаются. В результате доминировавшие прежде политические линии отходят на второй план. Кроме того, процесс передачи интересов экономического движения на политический уровень осуществляется через постоянное посредничество идеологических, правовых и религиозных факторов, вплоть до того, что их представителями могут становиться отдельные личности. Политический цикл определяется экономическим циклом нелинейно: это не слепок экономических отношений, а специфический политический рельеф в диалектической связи с экономическим базисом.

Закон неравномерного экономического и политического развития действует в общественной экономической формации всего мира. Взлёт и упадок экономических групп и политических сил обусловлены этим движением. Кризисы – это периодические проявления постоянной диспропорции, которую капитализм создаёт между производством и потреблением, между продажей и покупкой, между формами, которые принимает капитал в процессе производства и обращения. Войны – это продолжение империалистической политики другими средствами. Буржуазная социология в лучшем случае может представить себе шторм производительного разрастания, благодаря которому, как только минует момент уничтожения производительных сил и людей, прибыль может возобновить своё спокойное течение по банковским счетам.

Lotta comunista, декабрь 2024 г.

1 – Черветто А. Многополярный мир. 1990–1995. Киров: Марксистская наука, 2006. С. 149.

Хроники нового американского национализма

Штаты и суды уравнивают Трампа

Дональд Трамп диктует политическую повестку с помощью десятков указов, меморандумов и прокламаций, бросая вызов иностранным партнёрам за рубежом и Конгрессу, властям штатов и бюрократии внутри страны. Некоторые из этих указов уже были временно приостановлены федеральными судами, а хаос, вызванный одним из меморандумов, вынудил администрацию самостоятельно его отозвать. Другие постановления ожидают рассмотрения судами по просьбе граждан, неправительственных организаций и штатов.

Более того, как отмечает Джеймс Полити из *Financial Times*, «результатом политического успеха» Трампа на выборах стало то, что ему придётся удовлетворять «гораздо более разнообразную коалицию», чем во время первого срока. Росс Даутат, консервативный обозреватель *New York Times*, также считает, что «по крайней мере до тех пор, пока Демократическая партия не поднимется с колен, самые важные конфликты в американской политике будут происходить при дворе Трампа».

Конфликтующие фракции

«Очевидным» Даутат считает конфликт между «популистами» *MAGA* (*Make America Great Again*) и «либертарианским» миром бизнеса. Илон Маск заявил, что готов к «войне», чтобы защитить визовые программы, позволяющие компаниям привлекать квалифицированных иностранных работников. Стив Бэннон, один из главных стратегов Трампа во время его первого срока, пообещал «уничтожить» Маска и «бродяг»¹ из мафии PayPal, которые не защищают «государство-нацию».

По мнению Даутата, конфликт может разгореться в исполнительной власти по вопросам внешней политики. Государственный секретарь Марко Рубио и советник по национальной безопасности Майк Уолтц считаются «ястребами» политики США на Среднем Востоке. Но в Пентагоне видные позиции занимают Майкл Димино, аналитик ЦРУ, осторожно относящийся к Тегерану, и Элбридж Колби, глава Отдела планирования политики и автор Стратегии по национальной безопасности времён первого мандата Трампа. Колби считает Китай главной угрозой, а Средний Восток – второстепенным театром, на который нельзя отвлекаться.

«Но есть и другие внутренние войны, которых следует остерегаться», – продолжает Даутат. При «дворе» Трампа полно элитных финансистов, таких как Скотт Бессент в министерстве финансов и Говард Лютник в министерстве торговли, которые считают, что Уолл-Стрит не должен беспокоить чрезмерный протекционизм.

По данным *Financial Times*, Бессент подготовил постепенное ежемесячное повышение тарифов на 2,5 процента, чтобы дать компаниям время на адаптацию и предоставить партнёрам возможность для переговоров. Но Трамп, воспользовавшись чрезвычайными полномочиями, резко повысил пошлины на товары из Китая (на 10%), Мексики и Канады (на 25%).

Реакция рынков и международных партнёров стала своеобразным механизмом сдержек, в рамках которого и действовали члены администрации. Питер Наварро, старший советник Белого дома и большой сторонник тарифов, становится «ключевой фигурой», работает с торговым представителем Джеймисоном Гриром. Лютник, играющий «ведущую роль», судя по всему, встречался с канадскими и мексиканскими чиновниками ещё до введения тарифов. Когда

Трамп приостановил действие тарифов, Наварро похвалил Лютника и Бессента, заявив о «немедленных результатах», достигнутых в ходе переговоров.

Вызовы штатов

Комментатор *Financial Times* Рана Форухар пишет: «Как только Трамп подписывает указ, правительства отдельных штатов начинают оспаривать его в суде. Результат – более запутанная среда для бизнеса и более благоприятная для юристов». Штаты, управляемые демократами, «ищут способы защититься от посягательств», с помощью которых федеральная власть пытается изменить их законодательство в сфере иммиграции, производства и «монополий» или осуществить «массовое урезание» субсидирования бизнеса, здравоохранения и экстренных служб.

Кроме того, подчёркивает Форухар, демократы контролируют ряд штатов с наибольшим уровнем потребления. Калифорния, Иллинойс, Массачусетс и Нью-Йорк «могут создать сильные сигналы спроса в остальной части страны» в пользу определённых производственных стандартов, к которым компании приспособиваются, несмотря на издержки, «даже если они не нравятся президенту».

Оппозиция в Сенате

Бывший лидер республиканцев Митч Макконнелл ушёл с руководящей должности, но его сенаторские полномочия ещё не истекли. Он изложил свою внешнеполитическую линию в эссе в газете *Foreign Affairs* и выступил против ряда назначений Трампа. У республиканцев небольшое большинство (53 против 47), и даже несколько голосов могут изменить исход голосований.

Мэтт Гетц, кандидат Трампа на пост министра юстиции, избежал голосования в Сенате, сняв свою кандидатуру. Когда речь зашла о назначении Питера Хэгсета на пост министра обороны, Макконнелл признал его неподходящим и проголосовал против вместе с сенаторами Лизой Мурковски (Аляска) и Сьюзан Коллинз (Мэн), вынудив вице-президента Джей Ди Венса выступить с решающим голосом, чтобы набрать 51 «да». Наконец, Макконнелл, переживший полиомиелит в годы, когда не было вакцины, был единственным членом Республиканской партии, проголосовавшим против кандидатуры Роберта Ф. Кеннеди-младшего, скептика в отношении вакцинации, который стал министром здравоохранения.

Чак Шумер, лидер сенаторов-демократов, по настоянию шести губернаторов (в том числе широко известных, как Тим Валц из Миннесоты) попросил Трампа отказаться от выдвижения Расса Воута на пост главы Административно-бюджетного управления.

Воут считает «неконституционным» *Impoundment Control Act* 1974 года, закрепивший контроль Конгресса над государственными расходами. Он поддерживает идею о том, чтобы исполнительная власть имела право конфисковать утверждённое Конгрессом финансирование и реформировать так называемое «административное государство» (*administrative state*). «Мы хотим, чтобы бюрократы были травмированы», – сказал он в 2024 году, – «чтобы, проснувшись утром, они не захотели идти на работу». В своём эссе для *Project 2025*, подготовленном Heritage Foundation, он выразил надежду, что следующим президентом станет человек, обладающий «смелостью, чтобы подчинить себе бюрократию», и «готовностью отказаться от власти, чтобы передать её из Вашингтона обратно – семьям, религиозным общинам, местным органам власти и штатам».

Бюрократическо-медийный клубок

С помощью указов президента и действий возглавляемого Маском Департа-

РУКОВОДЯЩИЕ ЛИНИИ «КОКУСА МАККОННЕЛЛА»

В недавно вышедшей биографии Митча Макконнелла, написанной Майклом Тэккеттом, «Цена власти», рассказывается о том, «как Макконнелл доминировал в Сенате, изменил Америку и потерял партию». Республиканец научился контролировать механизмы Конгресса в результате долгого пути, который он прошёл вместе со своей «потрясающей библиотекой, почти полностью состоящей из исторических трудов и биографий».

Макконнелл в книге «Долгая игра» (2016, 2019) рассматривает Сенат как место, где Соединённые Штаты обретают баланс интересов перед лицом исторических вызовов. Но он опасается, что эта функция находится под угрозой из-за «поляризации», в частности, со стороны демократов.

«Карьера Макконнелла, – считает Тэккетт, – шла параллельно с фундаментальными изменениями» в Республиканской партии. По мере того, как «эпоха Рейгана породила эпоху Ньюта Гингрича», спикера Палаты представителей, захватившего её в волне протестов против налоговой политики Билла Клинтона, партия «становилась всё более популистской, националистической и менее идеологически последовательной». В конечном счёте сам Макконнелл с трудом узнавал в партии ценности, которых придерживался раньше. Однако сенатор и нынешний президент используют друг друга уже много лет. Макконнелл «презирает» Трампа, но он смог изменить облик судебной системы только благодаря тому, что помог ему победить на президентских выборах в 2016 году; сенатор рассматривает назначение сотен судей всех уровней, включая Верховный суд, как «инструмент для отмены законов и правил, принятых во время правления Обамы». Ирония заключается в том, что хотя «запуганным» называют Сенат (*The Economist*), именно отдельные штаты обращаются в суды. С другой стороны, Макконнелл заплатил «цену власти», «потеряв партию», но может сыграть роль «последнего рубежа обороны» против «автократических методов» Трампа.

Макконнелл высказал свои убеждения в области внешней и торговой политики в декабре, опубликовав в *Foreign Affairs* эссе под названием «Цена американского отступления. Почему Вашингтон должен отказаться от изоляционизма и принять главенство». По его мнению, Трамп должен «строить свою внешнюю политику на краеугольном камне лидерства США – жёсткой силе»: это требует постоянного увеличения военных расходов, оборонной промышленной базы и срочных реформ как для развития нового военного потенциала, так и для расширения доступа к нему для союзников, как это было сделано в рамках недавнего военного соглашения между США, Австралией и Великобританией (AUKUS). «Администрации придётся противостоять давлению внутри Республиканской партии с требованием отказаться от идеи американского превосходства. Притворяться, что США могут сосредоточиться только на одной угрозе за раз, что авторитет делится на части или что они могут игнорировать отдалённые ситуации хаоса, – значит игнорировать свои собственные глобальные интересы. Америка не станет снова великой, будучи под руководством тех, кто хочет лишь управлять её упадком».

Китай «представляет собой самый серьёзный долгосрочный вызов интересам США». Но решать проблему, отказываясь от поддержания обязательств в Европе, особенно на Украине, и на Среднем Востоке или ставя Азию «выше» других театров – это «ложный выбор». «Мы не должны повторять ошибок так называемого “поворота в Азию” Барака Обамы». Поворот спиной к Европе также подорвёт американский «авторитет» в Азии, а победа России подтолкнёт Китай, Иран и Северную Корею к наступлению подобно тому, как Владимира Путина «подтолкнуло» к наступлению на Украине отсутствие реакции Обамы Буша в Грузии. Трамп «заслуживает похвалы за отмену ограничений администрации Обамы на помощь Украине», но он подорвал этот выбор, поскольку удерживал средства на вооружение для Киева, «действовал переменчиво: ужасивал за Путиным, угрожал союзникам и ставил под сомнение союзнические обязательства».

«Неоизоляционисты» упускают тот факт, что противник может бросить вызов США «одновременно на нескольких фронтах, и тогда союзники становятся как никогда ценными». Китай «уже много лет пытается вбить клин между США и их партнёрами. Трагедия заключается в том, что группа “Asia First” так откровенно играет на руку Пекину, точно так же как предыдущие администрации, отвернувшись от своих союзников на Среднем Востоке, открыли дверь китайскому влиянию в этом важнейшем регионе».

Макконнелл прямо обращается к «европейским союзникам», которые «признают растущие связи между Китаем и Россией и всё чаще рассматривают Китай как “системного соперника”», а в качестве собеседника выбирает Урсулу фон дер Ляйен, председателя Европейской комиссии. «Нежелание» сторонников *Asia First* отмечать военный «прогресс» ЕС и НАТО указывает на то, что они «игнорируют необходимость работать с союзниками» против Пекина; «используют необходимость борьбы с Китаем как предлог, чтобы отказаться от лидерства в других сферах». Макконнелл считает, что «“Азия превыше всего” – это всего лишь оправдание для изоляционизма».

Пошлины «стали серьёзным испытанием отношений с союзниками и терпения американских потребителей». Обама принадлежит «заслуга» в создании Транстихоокеанского партнёрства, соглашения о свободной торговле «с союзниками в Азии, и я не жалею, что работал с ним, чтобы преодолеть возражения протекционистски настроенных демократов в Конгрессе».

мента эффективности правительства совместно с Административно-бюджетным управлением администрация покушается на прерогативы департаментов и их штат чиновников, даже его верхние эшелоны. Указом Трамп заморозил финансирование USAID, Агентства по международному развитию, целью которого, как пишет газета *Wall Street Journal*, является «подружиться со странами и влиять на них в американских интересах» с помощью финансирования и НПО.

Действия против USAID были адресованы Марко Рубио, главе Государственного департамента, которому подчинено агентство. USAID было основано на основании закона Конгресса, и в ходе дебатов утверждается, что было бы антиконституционно распускать его и сокращать его программы, большая

часть которых финансируется за счёт других мер самого Конгресса. *Wall Street Journal* утверждает, что ей «все равно», «исчезнет» Агентство или нет, но предупреждает, что «шум» вокруг этой операции – «это предвестие реакции, с которой столкнутся Маск и Трамп, когда будут работать над сокращением и реформированием исполнительной власти». Консервативная газета предрекает ведомственную фронду, сопровождаемую оппозиционными газетами.

Lotta comunista, февраль 2025 г.

1 – В свете последних событий в мире в английском появилось слово blorigarch – очень богатый человек, который работает в индустрии цифровых технологий и обладает политическим весом.

Хроники нового американского национализма

“The Wall Street Journal” выбирает дозированную оппозицию Трампу

Президент США Дональд Трамп неоднократно угрожал ввести пошлины на импорт и действительно делал это; когда же он объявлял о приостановке тарифов, то сопровождал это новыми угрозами в адрес торговых партнёров, не делая различий между союзниками и противниками, подкрепляя свой “деловой” подход фирменной непредсказуемостью. Одновременно он начал реализовывать предвыборные обещания: депортировать мигрантов и сокращать федеральную бюрократию. Эту задачу он поручил Илону Маску и созданному для этого Департаменту эффективности правительства (DOGE).

По мнению *The Wall Street Journal* (WSJ), «конечной целью, похоже, является экономика с меньшей зависимостью от импорта, мигрантов и федерального правительства, и с большей ролью частных инвестиций. Но реализация этих мер породила сильную неопределённость – среди владельцев бизнеса, работников и внешних торговых партнёров, – которая может затормозить рост, по крайней мере временно». Сам Трамп не исключает такой возможности. Непредсказуемость имеет свою цену. Риск «рецессии Трампа» снова становится реальностью.

“Двигайся быстро и ломай”

Илон Маск пообещал упростить ведение бизнеса за счёт дерегулирования, ликвидации бюрократии и сокращения числа федеральных программ и сотрудников. Это должно привести к экономии в 1 трлн долл., которая позволит осуществить налоговое сокращение. Пока оценивать достигнутый эффект преждевременно, но сами цифры уже вызывают ожесточённые споры.

New York Times (NYT), в противовес Белому дому, приводит жалобы федеральных агентств и сообщает, что число уволенных исчисляется «тысячами». Часть из них, возможно, будет восстановлена через суд, однако, по данным *Financial Times*, сам Маск прогнозирует, что на работу вернётся лишь каждый четвёртый – если его признают необходимым.

Девиз Кремниевой долины – «Fail fast» (“провались быстро, чтобы двигаться дальше”) – Маск успешно применяет на практике при космических запусках SpaceX. А девиз Марка Цукерберга «двигайся быстро и ломай» Маск реализовал, уволив 80 % сотрудников Twitter, заявив, что заново наймёт лишь тех, кто действительно нужен компании.

Среди уволенных федеральных служащих – в основном находящиеся на испытательном сроке, а также сотрудники налоговой службы (Internal Revenue Service) и министерств: сельского хозяйства, здравоохранения и социальных служб (руководитель – Роберт Ф. Кеннеди-младший), по делам ветеранов, внутренних дел (во главе с Дагом Бургумом) и энергетики (под руководством Криса Райта). Тем временем Управление кадровой службы заявляет, что 75 тысяч федеральных служащих добровольно согласились на отставку в обмен на выплату в размере семимесячной зарплаты и другие льготы. По оценкам WSJ, это составляет более 3 % от общей численности

федеральных служащих, не считая почтовых работников, но до заявленных 5–10 % ещё далеко.

WSJ в целом положительно оценивает эксперимент Маска – при условии, что он не станет принимать за реальные успехи посты, написанные «глубокой ночью» в соцсетях, и продолжит двигаться в верном направлении.

“Где же DOGE, когда он так нужен?”

По мнению WSJ, Маск и Белый дом «быстро движутся к сокращению бюрократии – по крайней мере устраняя лёгкие мишени», а тем временем Министерство юстиции продолжает преследовать «нео-брандейзианцев», враждебных монополиям, которые ещё при администрации Джо Байдена тормозили сделки слияний и поглощений (M&A) между крупными корпорациями. Уолл-Стрит ожидала дерегулирования этого прибыльного сектора, и WSJ раздражена тем, что оно так и не произошло. Хотя действие правил, принятых Бюро финансовой защиты потребителей (CFPB) – ведомством, созданным после кризиса 2008 года для защиты граждан от финансовых махинаций, особенно со стороны банков, – было приостановлено, администрация продолжает «преследовать бизнес» антимонопольными законами и запросами информации о деятельности инвесторов. WSJ вопрошает: «Где же DOGE, когда он так нужен?».

По данным финансового издания, Маск также полезен Пентагону. «В попытке предупредить [возможные сокращения Маска] некоторые части вооружённых сил готовят списки видов вооружений, которые они долго пытались ликвидировать, но безрезультатно», поскольку в Конгрессе «законодатели стремятся защитить расходы в их округах». Борьба за оборонный бюджет продолжается: к традиционным прайм-подрядчикам (основным поставщикам вооружений) добавляются новые технологические компании. В WSJ также опубликована статья Майка Галлахера, бывшего конгрессмена от штата Висконсин и антикитайского ястреба в Специальном комитете по делам Компартии Китая, а ныне представителя компании Palantir. По его мнению, IT-услуги его компании должны быть использованы для сокращения бюрократии Пентагона.

Вызовы и баланс между властями

Маск объявил о закрытии CFPB и USAID – агентства Госдепартамента по международному экономическому развитию. Правда, неясно, имеет ли исполнительная власть полномочия распускать агентства или прекращать их программы, особенно если они были созданы на основании актов Конгресса. Но, как отмечает *The New York Times*, даже постановление Верховного суда может не успеть исправить положение, если агентства будут уже ликвидированы фактически.

По мнению NYT, действия против федеральных агентств выглядят точно, как «возможности, специально созданные под состав Верховного суда с республиканским большинством». Тем не менее, суд в составе пяти голосов против четырёх разрешил USAID использовать 2 миллиарда долларов, ранее замороженных по исполнитель-

ному указу, тем самым фактически выступив против позиции Трампа. С другой стороны, «любые решения в пользу президента создадут прецеденты, которые расширят президентские полномочия».

WSJ отмечает, что Трамп использует суды, чтобы «утвердить контроль над всей исполнительной властью», что соответствует теории унитарной исполнительной власти. Однако консервативная газета отрицает, что «конституционный кризис», который увидели «как всегда перевозбуждённые» журналисты NYT, уже начался. «Большинство» решений Трампа «опирается на прочную юридическую основу». По мнению некоторых, «в суде всё может пойти по-другому, другие же считают, что Трамп намеренно нарушает действующий закон», отправляя «дела в Верховный суд для восстановления того, что он считает конституционными нормами». По мнению WSJ, «речь идёт о политической ответственности» Федеральных агентств, таких как Федеральная торговая комиссия, которые «регулируют большую часть экономики США», ведь остаётся неясным, «кому они демократически подотчётны?». По мнению газеты, «унитарная исполнительная власть может даже убедить Конгресс написать более чёткие законы и вернуть себе часть полномочий, которые он уступил исполнительной власти – например, в области торговли». Именно в этом вопросе WSJ делает Трампу самое строгое замечание и, похоже, призывает Конгресс найти баланс.

Самая “глупая” торговая война

Как минимум в четырёх редакционных статьях WSJ назвала тарифы Трампа в отношении Мексики и Канады «самой глупой торговой войной в истории».

В том же ключе высказываются и представители истеблишмента, публикующиеся на страницах газеты. В их числе – Джеймс Бейкер III, министр финансов при Рональде Рейгане и госсекретарь при Джордже Буше – старшем, сопредседатель двухпартийной комиссии по Ираку в 2006 году при Джордже Буше – младшем. На фоне того, что государственный долг США превысил 36 триллионов долларов, Бейкер положительно оценивает решение Трампа о создании DOGE, который «наложил столь необходимый тормоз на расточительные правительственные расходы». «Однако мы по-прежнему предупреждаем президента от того, чтобы полагаться на тарифы для увеличения доходов. Тарифы вызывают неприязнь у союзников и торговых партнёров и позволяют Китаю играть более значительную роль в мире. Кроме того, тарифы рискуют вызвать инфляцию в стране». Бейкер продолжает: «Если Америка не примет никаких действий» в отношении государственных расходов, долга и инфляции, у неё не будет «гибкости, необходимой для реагирования на экономические кризисы и экзистенциальные внешнеполитические вызовы».

«Тарифы – это налоги», – поясняет WSJ, они вызывают «неопределённость» в бизнесе, создают напряжение на финансовых рынках и отталкивают союзников. Более того, Трамп вводит тарифы, ссылаясь на чрезвычайные полномочия, хотя ни-

какой реальной угрозы национальной безопасности не существует – «кто-то должен подать в суд».

“Для этого нужен Конгресс”

По мнению WSJ, «DOGE – хорошая идея. Но несмотря на все неистовые твиты Маска и апокалиптические вопли [в столице], пока что лишь по краям задевает проблему государственных расходов. Для этого нужен Конгресс, и именно поэтому республиканские бюджетные законопроекты в этом году – это место настоящего политического действия».

Аббревиатуру DOGE можно произносить как титул венецианского дожа, а можно – как «доги» (“собака”), символ одноимённой криптовалюты. В своей редакционной статье WSJ, похоже, рассматривает DOGE как сторожевого пса, которого можно натравливать на любые расходы, правила и агентства, которые не устраивают газету.

На деле же WSJ вовсе не выступает против всех видов расходов. В редакционной статье она предостерегла от 8-процентного сокращения бюджета на вооружения, о котором объявил министр обороны Пентагона Пит Хегсет. Вместо этого газета указывает на социальное обеспечение как на основную источник издержек и критикует законодателей, сопротивляющихся урезанию программ Medicare, Medicaid, Social Security и федеральных служащих в своих округах.

Пока что WSJ одобряет действия Майка Джонсона, который провёл через Палату представителей законопроект, предусматривающий, в случае его одобрения Сенатом, налоговое сокращение на сумму от 4–4,5 трлн долларов и сокращение государственных расходов на 1,5–2 трлн долларов.

Ясность в вопросе иммиграции

Наконец, WSJ на своей первой странице резко критикует негативные последствия депортации иммигрантов, отвергая лицемерное различие между легальной и нелегальной иммиграцией и выступая в защиту интересов бизнеса, крупного и малого: «В 2023 году в США проживало 13,7 млн нелегальных иммигрантов, [т. е. около 4 % населения, и ещё] миллионы живут в семьях с легальными иммигрантами или гражданами». «Иммиграция, в основном нелегальная, в последние годы внесла значительный вклад в рост рабочей силы и продаж некоторых компаний. Но в прошлом году приток мигрантов резко замедлился, а после вступления в должность Трамп начал масштабную депортационную кампанию, [которая может] отразиться на экономике».

«Владельцы бизнеса в районах компактного проживания иммигрантов» отмечают «значительный спад» деловой активности. Владельцы фермерских хозяйств и строительного бизнеса сообщают, что сотрудники не выходят на работу «из-за слухов или опасений возможных рейдов» со стороны правоохранительных органов, а «недостаточное количество рабочих [является] одной из главных проблем 2025 года». Неопределённость, порождённая президентом, начинает сказываться сразу на нескольких фронтах.

Промышленность и фармацевтика

Наука против времени

Подъём биофармацевтической отрасли в Китае за последнее десятилетие – часть общего научного и технологического восхождения страны, на которое стоит обратить внимание в более широком контексте. Этот рост представляет собой вызов для других империалистических держав.

Американский законопроект “The Biosecure Act” – подразумевающий разрыв связей между американскими и китайскими биотехнологическими компаниями – был раскритикован журналом *The Economist* за свой «старомодный протекционизм». Однако сам британский еженедельник признаёт, что дело давно вышло за рамки торговой войны – ставки куда выше. В обширной передовице под заголовком “The Rise of Chinese Science” он пишет, что «Китай стал научной сверхдержавой». Ещё пять лет назад это воспринималось лишь как возможный сценарий. Сегодня же ключевой вопрос – вызывает ли это «воодушевление или тревогу» (15.06.2024).

Единство и раскол

Точка зрения самой газеты, представляющей голос одной из крупнейших держав империализма, заявлена в той же редакционной статье: «Если в чём и сходится КПК и американские ястребы госбезопасности, так это в том, что секрет геополитического, экономического и военного превосходства – в инновациях. Председатель Си Цзиньпин надеется, что наука и технологии помогут его стране обогнать Америку. Используя сочетание экспортного контроля и санкций, политика в Вашингтоне пытаются помешать Китаю получить технологическое преимущество».

Либеристский *The Economist* считает, что «американская стратегия вряд ли сработает». Америка «переоценивает свою способность ограничивать рост китайской науки в целом», вводя санкции и ограничивая поток данных, тем самым лишая себя ценных талантов и идей. Кроме того, «она не ценит собственную науку, включая технологии, лежащие в основе её безопасности. Вместо того чтобы копировать тактику Китая, Америке следует оттачивать своё собственное преимущество в инновациях, усиливая качества, которые сделали её успешной». Однако в противовес этой точке зрения в Америке и Европе усиливается давление, направленное на ограничение сотрудничества с Китаем. Де-факто «старый научный мировой порядок, в котором доминировали Америка, Европа и Япония, подходит к концу». Речь идёт о противостоянии между государствами и, внутри них, между различными группами и фракциями правящего класса, по вопросу о том, как реагировать на эту конкуренцию.

Это противоречие внутренне присуще капитализму. Научное развитие, питаемое глобальным обменом знаниями, – это социальный продукт и общее достояние человечества. Однако оно присваивается частными лицами ради прибыли, а государствами – для укрепления экономической конкурентоспособности и военной мощи. Арриго Черветто в 1980 году писал: «Конкуренция и взаимозависимость делают буржуазию всеобщей, однако особые национальные интересы при этом сохраняются. В силу всеобщей конкуренции, политика буржуазии

в мире отражает и взаимозависимость, и особые интересы»¹.

Между сотрудничеством и изоляцией

В декабре прошлого года было согласовано продление на пять лет Соглашения о сотрудничестве между США и Китаем в области науки и технологий (STA), подписанного в 1979 году Джимми Картером и Дэн Сяопином. Протокол был обновлён с учётом новых масштабов “дракона”. «Изменённое соглашение гарантирует, что любое федеральное научно-техническое сотрудничество с Китайской Народной Республикой в рамках STA принесёт пользу Соединённым Штатам и минимизирует риски для национальной безопасности США». Далее: «[Соглашение с поправками] касается только фундаментальных исследований; оно не способствует развитию критически важных и новых технологий. Модернизированное STA – это один из способов, с помощью которого Соединённые Штаты ответственно управляют стратегической конкуренцией с КНР» (US Department of State, “Amendment and Extension of the US-PRC Science and Technology Agreement”, декабрь 2024 г.).

Редакционная статья в журнале *Nature*, опубликованная за несколько месяцев до этого, осуждала затягивание с продлением «исторического соглашения», указывая на то, что «слишком много внимания уделяется рискам сотрудничества и слишком мало – его преимуществам», особенно когда речь идёт о совместных научных исследованиях и студенческом обмене.

С конца 1970-х годов из американских университетов выпустились 3 млн китайских студентов, что является «одним из крупнейших трансграничных потоков студентов современности» (USCET – US-CHINA Education Trust, “Three Decades of Chinese Students in America, 1991–2021”, 13.09.2023).

В вышеупомянутой статье *The Economist* приводит данные Министерства образования КНР: в период с 2000 по 2019 год более 6 млн китайских студентов отправились учиться за границу; большинство из них вернулось домой с багажом новых знаний. В 2010 году правительство запустило программу стимулирования возвращения под названием «Тысяча молодых талантов», предлагая существенные бонусы. «Сейчас в Китае работает больше исследователей, чем в США или во всём ЕС». С другой стороны, «китайские исследователи составляют костяк многих кафедр в ведущих американских и европейских университетах», и «закрывание дверей для китайских студентов и исследователей, желающих приехать в западные лаборатории, было бы губительным и для западной науки». Это мнение разделяет и журнал *Nature*, по мнению которого, «ухудшающийся климат» в американско-китайских научных отношениях ограничивает сотрудничество.

Лоббистское столкновение

В 2018 году администрация Трампа запустила программу «China Initiative». Инициированная Министерством юстиции и реализуемая ФБР, она была направлена на «борьбу с экономическим шпионажем и кражей интеллектуальной собственности агентами китайского правительства», внедрившимися в среду учёных и техно-

логов (Brennan Center for Justice, “The ‘China Initiative’ Failed US Research and National Security. Don’t Bring It Back”, 23.09. 2024). Администрация Байдена прекратила программу в феврале 2022 года, заявив, что она не достигла своих целей и «задушила научные исследования». Теперь по инициативе республиканцев (при поддержке некоторых демократов) обсуждается её возобновление. Однако, по мнению Brennan Center, это лишь нанесёт дополнительный ущерб интересам национальной безопасности США.

«China Initiative» не выявила ни одного шпиона, но посеяла подозрения и недоверие к сообществам азиатского происхождения. С момента её запуска число учёных китайского происхождения, покинувших США, увеличилось на 75 %; большинство из них вернулось в Китай. Опрос, проведённый USCET среди китайских студентов, вернувшихся на родину из Америки, выявил растущее число случаев дискриминации и расизма. «Университетам и научно-исследовательским институтам США стало сложнее привлекать и удерживать ведущие научные и технологические таланты со всего мира», – пишет Brennan Center.

В качестве успешного примера совместного управления научными отношениями с Китаем *Nature* приводит Германию. Немецкая служба академических обменов (DAAD) рекомендует придерживаться подхода «realpolitik», оставляя оценку рисков и выгод на усмотрение отдельных университетов. Тем не менее в ЕС усиливается давление с целью ограничить сотрудничество с Китаем: участие китайских университетов в “Horizon Europe” ограничивается исследовательскими проектами по климатическим и экологическим проблемам.

Производство и изобретательство

Одним из показателей приверженности Китая науке и технологиям являются данные о расходах на исследования и разработки (НИОКР). По данным ОЭСР, с 2015 по 2022 год китайские расходы удвоились – с 344 до 687 миллиардов долларов (в расчёте по паритету покупательной способности, в постоянных ценах 2015 года). За тот же период в США расходы на НИОКР выросли на 50 % (с 507 до 762 млрд долл.), в ЕС-27 – на 19 % (с 340 до 408 млрд долл.), а в Японии – на 9 % (с 168 до 180 млрд долларов). Статистики рекомендуют относиться к этим цифрам с осторожностью, поскольку методы подсчёта не всегда сопоставимы. Тем не менее, как сообщает Центр стратегических и международных исследований CSIS, ссылаясь на оценки американской Службы конгрессу по исследовательской работе (CRS), доля Китая в мировом финансировании НИОКР, составлявшая в 2000 году 5 %, к 2020 году превысила 24 %, заняв второе место в мире. Доля США за это время снизилась с 40 % до 31 % (CSIS, “China’s Drive for Leadership in Global Research and Development”, 30.06.2023).

Перед Китаем стоит задача утвердиться в качестве державы не только производственной, но и инновационной, то есть перейти от «made in China» к «created in China». Шэньчжэньский Институт передовых технологий позиционируется как китайский ответ Кремниевой долине. Однако универ-

ситетские и государственные расходы в Китае в большей степени направлены на прикладные исследования, в то время как в США фундаментальные исследования составляют почти половину от общего объёма. Гонка продолжается, и её сроки продиктованы империалистическим противостоянием.

Не только академическая наука

Тем не менее, как отмечают аналитики McKinsey, «Китай быстро сокращает отставание, если смотреть на отдельные научные учреждения». Согласно *Nature Index*, семь из десяти ведущих институтов по числу публикаций в самых престижных научных журналах – китайские. На первом месте находится Китайская академия наук (КАН) – «крупнейшая научная организация в мире», в которую входят более ста институтов в Китае, за ней следуют Гарвардский университет и немецкий Институт Макса Планка. Французский Национальный центр научных исследований (CNRS) занимает седьмое место. В 2015 году среди первой десятки были три американских института, два британских, два немецких, один французский, один японский и один китайский – та же КАН (*Nature Index* 2024, “Research Leader: Chinese Institutions Dominate the Top Spots”, 18.06.2024). По данным *The Economist*, китайские учёные доминируют в мировом производстве высоко цитируемых публикаций в таких областях, как материаловедение, химия, инженерия, информатика, экология и окружающая среда, аграрные науки, физика и математика, значительно опережая европейский или американский вклад. В других сферах – например, в биологии, биохимии и нейронауках – Китай пока отстаёт.

Однако не все эти публикации высокого качества. В последние годы, особенно в период пандемии COVID-19, рост числа научных публикаций приобрёл инфляционный характер. Китай – один из лидеров по объёму этой публикационной волны. Мир захлестнуло массивом научных работ, нередко сомнительного качества, вызвало тревогу у организаций и учреждений, отслеживающих научную деятельность, в том числе из-за большого количества откровенных фальсификаций. Но это отдельная тема, которая лишь в малой степени затрагивает ведущие научные журналы.

Империалистическое противостояние ускоряет гонку научно-технического развития. В логике капитала наука становится фактором времени: кто быстрее нарастит экономическую и военную мощь. Книга Джеймса П. Бакстера III “Scientists Against Time” (1946) рассказывает об истории американского Управления научных исследований и разработок (OSRD) в годы второй мировой войны. Экстраординарные исследования во всех областях – «поворотный пункт в широкой истории цивилизации», по словам его директора Ванневара Буша, – привели к исключительным результатам. Среди них – как пенициллин, так и ядерная бомба.

Lotta comunista, январь 2025 г.

1 – Черветто А. Унитарный империализм. Т. 1. Киров: Марксистская наука, 2005. С. 3.

Токио сотрясает война тарифов

«Я не считаю уместным обсуждать с США одновременно вопросы безопасности и торговли», – заявил 20 апреля премьер-министр Японии Сигэру Исиба после переговоров в Вашингтоне между Рёсэем Акадзавой, спецпосланником Токио и министром по экономическому восстановлению, и министром финансов США Скоттом Бессентом. На встрече неожиданно присутствовал и президент Дональд Трамп. Президент США, неизменно верный своей риторической линии, вновь поднял тему связи между протекционистскими мерами и японо-американским альянсом в сфере безопасности – несмотря на то, что ещё во время официального визита Исибы 7 февраля была подтверждена ключевая роль этого союза.

После заявления от 2 апреля о начале «тарифной войны» – или, как её называет японская и азиатская пресса, «торговой войны» – Трамп вновь охарактеризовал отношения с Японией в области безопасности как «несбалансированные и несправедливые», поскольку они якобы не предусматривают взаимных обязательств по обороне. Однако это утверждение утратило актуальность с 2015 года, когда Токио, пусть и в индивидуальном порядке, принял меры, де-факто изменяющие ограничения, предусмотренные статьёй 9 Конституции. Несмотря на умеренный тон японских СМИ и официальных лиц, предпочитающих дипломатическую сдержанность, линия Трампа воспринимается в Японии как серьёзный удар по репутации США – почти как удар в спину – и как посягательство на стратегическое равновесие в Азии. Это уже выходит далеко за рамки традиционной «гайтсу» – внешнего давления.

Кепка Трампа

Акадзава, которому Трамп подарил фирменную кепку MAGA с автографом, с иронией поблагодарил президента за то, что тот «удостоил своим присутствием чиновника низшего ранга». По словам Исибы, тот факт, что американский президент появился «на начальном этапе таких переговоров», – событие, которое «выходит за рамки ожиданий» и может «иметь двойной смысл». Учитывая тесные экономические связи между США и Японией, потенциальное «соглашение могло бы способствовать взаимовыгодному партнёрству» и стать «примером для остального мира». Однако американские тарифы плохо сочетаются с двусторонним «соглашением о свободной торговле» 2019 года. Хотя Токио не исключает возможности пойти на уступки Вашингтону, для достижения «образцового соглашения» потребуются время и прямой диалог с Трампом – «в более подходящий момент». Тем временем Токио намерен «укреплять сотрудничество с АСЕАН и ЕС» и продолжит выражать «глубокую обеспокоенность» по поводу «негативных последствий тарифной эскалации между США и Китаем».

С японской точки зрения, присутствие Трампа на переговорах 16 апреля можно расценивать как попытку оказать давление на Токио ради заключения сделки. Однако вместе с тем он продемонстрировал стремление к сиюминутному результату, тем самым выявив собственную уязвимость. Именно на этот двойной смысл, по всей видимости, и намекал Исиба.

«Тринадцатичасовая война» и «Ахиллесова пята»

В ответ на то, что газета *New York Times* назвала глобальным «Перл-Харбором», устроенным Трампом на торговом

фронте, Токио, в отличие от Китая и ЕС, не может прибегнуть ни к прямым мерам возмездия, ни к «дипломатии мегафона». Однако у него есть иные рычаги, чтобы ответить на американское давление. Решение от 9 апреля о временной приостановке введения пошлин на фоне потрясений на рынке американского долга заставило газету *Nikkei* заговорить о «тринадцатичасовой войне Трампа»: президент был вынужден отступить под тройным ударом – «кризиса фондового рынка, доллара и даже госдолга», статус которого как «тихой гавани» оказался под вопросом. Это усилило опасения, что торговая война перерастёт в финансовую – с милитаризацией долгов и валют, направленной на причинение экономического ущерба.

По оценкам различных источников, распродажа американского долга может быть вызвана действиями японских страховых и пенсионных фондов, суммарные зарубежные активы которых, включая облигации США, оцениваются в 2,7 трлн долларов. По данным источника в японских финансовых кругах, которого цитирует газета *Nikkei*, Япония владеет 1,079 трлн долларов американского долга, за ней следуют Китай и Гонконг с 1,067 трлн; таким образом Токио «имеет карты в руках», чтобы помочь США «стабилизировать свой долг», а значит – располагает значительным переговорным ресурсом. Американские аналитики отмечают, что Япония «представляет для Вашингтона ещё большую проблему, чем Китай»: если в Китае долг сосредоточен в руках государства, то в Японии он контролируется частными финансовыми структурами, которые руководствуются исключительно рыночной логикой и «не подчиняются решениям правительства».

Южнокорейская газета *Hankyoreh*, близкая к Демократической партии Кореи (ДПК), которая может вернуть себе президентский пост на выборах 3 июня, подхватила образ «тринадцатичасовой войны», заявив, что она сбросила Трампа с его «высокомерного трона» и продемонстрировала миру «ахиллесову пяту» Америки – её госдолг. Издание напомнило, что ещё в 1997 году тогдашний премьер Японии Рютаро Хасимото говорил, как в ходе «жесточайших переговоров» с США по автопрому Токио испытывал соблазн «распродать американский долг». И вот теперь, как пишет *Hankyoreh*, «мысли Хасимото тридцатилетней давности» вполне могут прийти и в голову Си Цзиньпину – пусть его выводы и будут отличаться от японских. Тем не менее в Вашингтоне подобный шаг, безусловно, воспримут как «китайский Перл-Харбор».

«Японское образование»

В южнокорейском Сеуле, где Трамп также настаивает на связке между торговыми пошлинами и военными соглашениями, в СМИ доминирует схожий с японским подход: с учётом приближающихся президентских выборов, последовавших за арестом Юн Сок Ёля, временное правительство не должно спешить идти на уступки Вашингтону. По мнению «Асахи симбун», ведущей оппозиционной газеты Токио, Хасимото принял вызов Вашингтона как поединок по кэндо – боевому искусству с бамбуковыми мечами, уходящему корнями в самурайскую традицию. У кэндо простые правила: бой проходит в прямоугольнике размером 9 на 11 метров, ограниченном

белыми линиями, которые нельзя пересекать. Трамп же хочет быть одновременно и «соперником, и судьёй», поэтому противостоять ему следует слаженной командой, в которой Исиба должен выступать как сэнно – главный боец.

«Асахи» призывает к консолидации усилий внутри страны и на международной арене для противодействия американскому одностороннему подходу. В свою очередь, газета «Санкэй симбун», представляющая противоположный фланг политического спектра и открыто поддерживающая антикитайскую линию, предлагает прибегнуть к «мягкости дзюдоиста», чья тактика строится на нарушении равновесия противника. Брэд Глоссерман – влиятельный эксперт по транстихоокеанским отношениям, бывший член редакционного совета и обозреватель *Japan Times* – считается неофициальным выразителем как взглядов японского МИДа, так и либерально-интернационалистских кругов крупных японских корпораций. Он ссылается на своё «японское воспитание», чтобы охарактеризовать подход Токио как «геоэкономическое» и «комплексное видение национальной безопасности»: в современном взаимосвязанном мире «настоящая сила проявляется через экономические инструменты». Япония продолжает подчёркивать, что не намерена продавать казначейские облигации США, рассматривая их вне рамок «двусторонней дипломатии». Однако очевидно, что Токио сыграл свою роль в дестабилизации американского долгового рынка, пусть и «непреднамеренно» со стороны государства. Преднамеренно это было или нет – отметим один факт: сама возможность ликвидации американских облигаций всё чаще рассматривается как инструмент сдерживания – наравне со статусом страны, находящейся на ядерном пороге.

Конвульсии упадка

Масааки Сиракава, бывший глава Банка Японии, в статье для *Nikkei* проводит параллель между соглашением «Плаза» 1985 года и текущей тарифной войной. Оба события, по его мнению, объединяет «ощущение экономической угрозы, корни которой лежат в относительном упадке Америки». Ещё тогда США начали оказывать давление на союзников, игнорируя «структурный характер» двойного дефицита – торгового и бюджетного, а также «разрыв между сбережениями и инвестициями».

Япония была вынуждена согласиться на соглашение «Плаза», одним из последствий которого стала её многолетняя экономическая стагнация – в силу военной зависимости от США. Сегодня ожидается, что новая «сделка Плаза», по аналогии с первым соглашением (а отель, по которому она получила название, Трамп купил в 1988 году и перепродал в 1995 году с убытком в 75 миллионов долларов), получит одобрение Пекина. Однако в Китае её рассматривают как «фатальную ошибку» Токио. Китай не зависит от США в военном плане и сохраняет возможность распродажи американских долговых бумаг. По мнению Сиракавы, «единственным реалистичным способом» повлиять на политику Вашингтона остаётся внешнее сдерживание: реакция рынков на текущее состояние американского долга сегодня куда более остра, чем в 1985 году.

Куни Мияке, бывший дипломат и советник премьер-министров Синдзо Абэ и Фумио Кисиды, признаёт «реалистичность» подхода Трампа, хотя и не разделяет его. «Экономисты не понимают, что Трамп действует интуитивно», – отмечает он, – и когда критики называют его политику «безрассудной, вредной и глупой», они упускают суть тарифной войны. По мнению Мияке, упадок американского производства представляет собой «серьёзную угрозу» для способности США «сдерживать» потенциальных противников в военной сфере. Реальным претендентом на гегемонию является Китай: Вашингтон осознаёт, что не сможет «вести две крупные войны одновременно», и должен передать безопасность Европы и Среднего Востока союзникам, чтобы сосредоточить «оставшиеся силы в Индо-Тихоокеанском регионе». Если бы именно это было «подлинным намерением» Трампа, его политика могла бы рассматриваться не как «источник надвигающегося глобального хаоса», а как «отчаянная попытка Вашингтона подготовиться к нему». Реальная тема в переговорах с Токио – это вовсе не двусторонняя торговля, а вопрос о том, как «совместно конкурировать с Китаем в будущем». А вот единого мнения по этому поводу в Японии пока нет.

Параллельное сближение Токио и Пекина

Токио открыто выступает за то, чтобы страны АСЕАН вели единые переговоры с США. Эту позицию поддерживала Малайзия, председательствующая в организации, а также Сингапур и Индонезия. Сингапур, разделяя японскую точку зрения, настаивает на необходимости формализовать соглашение между ЕС и СРТПР – одним из двух региональных соглашений о свободной торговле, инициированных Токио. Япония также подчёркивает своё участие в другом ключевом механизме – ВРЭП, включающем страны АСЕАН, Южную Корею и Китай. В Джакарте заявляют, что Индонезия не должна идти на «дорогостоящий компромисс» с Вашингтоном, а, напротив, должна укреплять свой статус лидера в АСЕАН, используя при этом членство в многосторонних альянсах, таких как РСЕР и БРИКС, и стремиться к присоединению к СРТПР.

Как отмечает *Nikkei*, в регионе в этом году совпадают сразу два исторических юбилея: 70-летие Бандунгской конференции 1955 года и 50 лет с момента «американского унижения» в Индокитае. На этом фоне китайские предложения о поддержке стран региона в противостоянии американскому «буллинг» звучат в духе лозунга «Азия для азиатов» – с призывом к созданию «азиатской политической инфраструктуры для самих азиатов». Японская пресса критикует США за то, что те «втягивают Юго-Восточную Азию в противостояние между двумя сверхдержавами», и призывает Токио взять на себя роль посредника, способного возглавить «фронт в защиту свободной торговли». Всё это указывает на формирующееся параллельное сближение между Токио и Пекином, которое отражает их частично общую стратегическую традицию и общее понимание принципа глобального баланса сил.

Смелость быть убитым

«Социальные классы (всё ещё) существуют». Так пишет Пьер Джорджо Ардени в своей книге «Социальные классы в современной Италии» (*“Le classi sociali in Italia oggi”*).

Статистический анализ, представленный в книге, опирается на работы Паоло Силоса Лабини, особенно 1974 и 1986 годов – что выражается даже в названии книги. В частности, Ардени заимствует для своей классификации концепцию «наёмной мелкой буржуазии». Однако, приняв во внимание это искажение и рассматривая, как и следует, всю совокупность наёмных работников, из его же слов становится ясно: «наёмный труд, во всех отношениях, составляет почти четыре пятых от общего числа занятых (78,6%)». Этот объективный показатель вырос почти на 7 процентных пунктов по сравнению с 71,8 % в начале века – и это ещё раз доказывает, что вопреки всем идеологическим мифам, пролетаризация – абсолютный закон капиталистического общества.

Далее Ардени пишет, что классовая граница по-прежнему проходит «между теми, кто владеет средствами производства, и теми, кто лишён их и выполняет конкретные задачи с использованием этих средств».

Неотложность пролетарского интернационализма

Сегодня, когда растущее международное напряжение подпитывает протекционистские и социал-шовинистские идеологии, важно помнить об этом классовом делении.

Американские тарифы и европейское перевооружение требуют от нас подтверждения автономной линии класса наёмных работников – в противном случае есть риск оказаться на службе интересам той или иной фракции империализма, борющейся с другими.

Риск реален по обе стороны Атлантики. В США профсоюз UAW, ещё недавно возглавлявший жёсткую борьбу рабочих за свои права против круп-

ных автоконцернов, теперь поддерживает тарифы – настолько, что Дональд Трамп публично поблагодарил его представителя на митинге в честь «Дня освобождения»: «Автомобильные рабочие были великолепны, спасибо, я ценю это».

На этой стороне океана, в Италии, «профсоюзный социал-империализм» был задокументирован в нашей газете за прошлый месяц в высказываниях генеральных секретарей CISL и UIL об «общей европейской обороне» и «европейской армии» как альтернативе перевооружению в смысле усиления национальных армий. Но именно европейская армия и является конечной целью континентальной буржуазии.

Стоит вспомнить слова Ардени: «Классы игнорируют те, у кого есть привилегия их игнорировать». К этому можно добавить: и те, кому выгодно их игнорировать. У наёмных работников есть свои интересы, которые нужно защищать – как ближайшие, так и исторические.

“Зарплатный вопрос”

Среди насущнейших проблем, особенно в Италии, – зарплата. Последний “Всемирный доклад о заработной плате, 2024-25” Международной организации труда (МОТ) фиксирует, что за прошедшие 17 лет (с 2008 года) реальная зарплата в Италии снизилась на 8,7 %, что больше, чем в Испании (-4,3 %) и Англии (-2,3 %), в то время как Франция и Германия показали рост на 5 % и 15 % соответственно.

“Зарплатный вопрос” (*“La questione salariale”*) вынесен в заглавие книги-интервью Андреа Гарнеро, экономиста ОЭСР, эксперта по коллективным переговорам. В поисках причин отставания Италии он выделяет некоторые факторы, на которые мы уже не раз указывали, начиная со структуры предприятий – «слишком мелких по сравнению с другими странами». Он также отмечает «культурный» аспект: «Убеждение, что строительство – это “локомотив экономики”, а туризм – “нефть Италии”, и что “прекрасное в малом”», – все эти факторы обрекают Италию на «низкий рост и низкие зарплаты».

Существует и проблема структуры рынка труда, где широко распространена неполная и временная занятость, причём часто – не по выбору самих работников. Это – внимание – двойной удар по их доходам: не только меньше зарплаты за меньшее количество часов, но и каждый час оплачивается ниже, с дисконтом от 25 до 30 %.

Распространено мнение, что низкие зарплаты – следствие низкой производительности труда, из чего делается вывод, что именно работники должны взять на себя задачу повышения производительности, особенно если хотят получать более высокие зарплаты. Гарнеро переворачивает эту логику: если верно, что уровень зарплат зависит от общего состояния экономики, то верно и обратное, то есть что низкие зарплаты «стали в последние десятилетия фактором низкого роста и производительности». Концепция не нова для марксистского научного анализа, согласно которому рост заработной платы является стимулом к инвестициям

СУТЬ МОМЕНТА

В газетах и на телевидении набирает популярность новый жанр – всевозможные комментарии и расследования о том, готово ли население Европы, особенно молодёжь, к войне. В Германии это вызвало настоящий ажиотаж, там расходы на перевооружение могут достичь колоссальных размеров – триллиона евро. Способна ли Германия воевать? Найдутся ли мужчины и женщины, готовые взять в руки оружие, запереться в бронемашине или сесть за штурвал истребителя – после десятилетий, когда войны казались чем-то далёким, почти телевизионной декорацией? Основной посыл очевиден: имей смелость быть убитым.

Бундесвер, немецкая армия, проводит ежегодные социальные опросы, и это неспроста. В начале 1980-х, на пике противостояния между Востоком и Западом, 61 % населения был готов сражаться. В 1990 году, после краха СССР, таких осталось 34 %. С войной на Украине цифра снова выросла – до 42 %. Среди молодых мужчин в возрасте от 20 до 40 лет процент достигает 60 % – это около 6 миллионов человек; среди молодых женщин – 20 %, ещё 2 миллиона. В целом получается 8 миллионов – осталось только внушить, что враг у ворот. Один генерал счёл нужным процитировать Антонио Грамши: старый мир умирает, новый медлит с рождением, «в сумерках рождаются чудовища».

То, что происходит в Германии, задаёт вектор всей Европе. Сегодня пропаганда ещё не способна пробудить массы от пассивности, но будущее, которое нам навязывают, вполне ясно. Нельзя соглашаться на него. Необходима интернационалистская оппозиция европейскому перевооружению.

и, следовательно, к росту производительности. Вместо этого, «после стольких лет попыток девальвации лиры, мы сделали это снова – на этот раз с трудом, который стал – именно стал – плохо оплачиваемым».

Несколько доходов и бедность работающих

Разумеется, нельзя упускать из виду, в том числе для объяснения социального поведения, что низкая индивидуальная заработная плата часто сочетается с феноменом семьи с несколькими источниками дохода и несколькими источниками ренты, так что её воздействие на уровень жизни смягчается. Ардени в своей книге анализирует источники доходов домохозяйств, где глава семьи – наёмный работник: 73 % приходится на занятость, но более 15 % – «на капитал (т. е. сбережения) [...] доходы от вкладов и ценных бумаг, ренты и других активов». Нередко это результат передачи наследства в семьях, где демографический спад сокращает число детей, приводя к концентрации активов.

Само собой разумеется, что это не касается рабочих-иммигрантов, которые, по сути, относятся к наименее обеспеченным социальным слоям. По данным МОТ, почасовая заработная плата иностранцев в Италии на 26 % ниже, чем у итальянских рабочих, и эта разница здесь намного больше, чем средний показатель по ЕС, составляющий 17 %. Именно поэтому 23 % иммигрантов, по данным ISTAT, относятся к категории работников, находящихся на уровне бедности, по сравнению с 9 % итальянских рабочих (26.03.2025). Такова реальность капиталистического общества, которая также мотивирует наше добровольчество солидарности на благо наиболее уязвимых слоёв населения.

Общим для таких разных социальных слоёв является то, что они являются жертвами господства капитала. Общим для всех них является рост неопределённости, которая неизбежно будет расти по мере ухода в прошлое “гарантий” предыдущего цикла, особенно для тех, у кого они были. Это касается как социального обеспечения европейской модели, так и американских пенсионных фондов. И, в любом случае, будет сказываться неопределённость, вызванная столкновениями между державами.

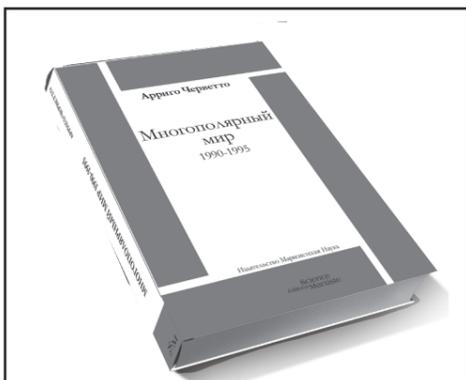
Два фронта борьбы

Отсюда необходимость борьбы на двух фронтах. В краткосрочной перспективе – защита зарплат и условий труда – задача, которую, надо сказать, профсоюзы не всегда выполняли с должной решимостью. Гарнеро также отмечает, что «общенациональные забастовки объявлялись по самым разным поводам, но никогда – по зарплатному вопросу напрямую». Текущие переговоры могли бы дать для этого повод, если бы только было желание его использовать.

Но частный вопрос борьбы за заработную плату не может быть отделён от имеющего более общий характер интернационалистского сражения, иначе работники окажутся втянутыми в сиюминутные экономические, политические или военные конфликты великих держав. И в этой области текущие события обязывают ускорить шаг.

Профсоюзам нужно решать задачу защиты условий жизни класса во всех его слоях. Ленинской партии – задачу поднять взгляд рабочих на мир вокруг и организовать их для «большого движения», каким является интернационалистская борьба. Первой нам об этом.

Lotta comunista, апрель 2025 г.

Арриго Черветто

МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР

2006, 352 страницы, суперобложка, 21 карта по тексту, примечания, биографический справочник, библиография, хронология 1990-1995, алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-21-2

Цена 300 руб.

Всеобщая забастовка и социал-демократия

II

Массовые политические забастовки, вспыхнувшие в ряде европейских стран в 1890-е гг., ставили перед собой цели, отличные от революции. В 1893 г. в Бельгии и Швеции рабочие объявили забастовки не с намерением свергнуть буржуазный порядок, но с ясной политической целью завоевания всеобщего избирательного права.

Однако в Великобритании и Германии, двух наиболее капиталистически развитых странах Европы, к всеобщей забастовке относились холодно. Участникам английского движения эта идея казалась похороненной вместе с чартизмом, а в Германии большинство социал-демократических лидеров разделяли максиму Игнаца Ауэра: «Всеобщая забастовка – всеобщее безумие». Однако в те же годы немецкий пролетариат проявил большую боевитость: в 1903–1904 гг. в Криммичау произошла великая всеобщая забастовка текстильщиков, а в январе 1905 г. вспыхнула крупная забастовка на рудниках Рура. В том году число забастовщиков выросло до более чем полумиллиона. Именно в этой атмосфере борьбы Германия узнала о Кровавом воскресеньи в Санкт-Петербурге (22 января 1905 г.)¹.

Споры о партии

Стихийные массовые забастовки в Германии и в целом в Европе вызвали живую конфронтацию в рядах социал-демократов, принявшую форму партийных дебатов. Пауль Фрелих в своей биографии Розы Люксембург реконструирует это «очень интересное созвездие различных мнений».

Профсоюзные лидеры в принципе отвергали политическую забастовку. На съезде профсоюзов в Кёльне в мае 1905 г. их рупор Теодор Бёмельбург заявил: «Для распространения и укрепления наших организаций нам нужны мир и спокойствие в рабочем движении». По словам Фрелиха, профсоюзы больше всего боялись «потерять тактическую независимость по отношению к партии».

Рядом с профсоюзными лидерами стояла «относительно небольшая группа реформистских партийных лидеров», таких как Вольфганг Гейне, которые опасались, что за массовой забастовкой последует «революция», и боялись нарушить «границы законности».

Однако в реформистском крыле были и те, кто энергично поддерживал массовую политическую забастовку: они видели в ней средство защиты демократических прав, таких как всеобщее избирательное право, а некоторые, как пишет Фрелих, даже надеялись «с помощью этих средств установить парламентский режим и таким образом реализовать свои самые смелые мечты: постепенное завоевание политической власти посредством политики коалиций». Среди этих партийцев были Эдуард Бернштейн, Фридрих Штампфер, Курт Эйссер.

К «лодобной» группе, продолжает Фрелих, принадлежало «большинство депутатов, редакторов и чиновников», вращавшихся «вокруг партийного руководства». Они отказывались от сотрудничества с буржуазными партиями и от вступления в коалиционное правительство, но надеялись завоевать парламентское большинство на демократических началах и тем самым осуществить социалистическую революцию. Уже в 1903 г. Рудольф Гильфердинг выразил

концепцию этой группы в *Neue Zeit*, указав, что всеобщая забастовка – это «результирующая идея», то есть просто угроза, которую, как надеются, не придётся реализовывать, но которая служит для завоевания всеобщего избирательного права и других демократических прав.

Каутский и эпоха пролетарских революций

Тогдашний лидер борьбы с оппортунизмом Карл Каутский рассматривал массовую политическую забастовку с революционной точки зрения. Историк Массимо Л. Сальвадори рассказывает об этом в тексте «Каутский и социалистическая революция». В статье «Кёльнский съезд профсоюзов», опубликованной в *Neue Zeit*, Каутский раскритиковал заявления Бёмельбурга: «Странная ирония судьбы: на съезде профсоюзов провозглашается необходимость спокойствия со стороны профсоюзов в тот самый год, который является более революционным, чем любой другой за поколение». Пока в России разворачивалось восстание против царского абсолютизма, в Штатах вспыхнул «бунт против абсолютизма престолов». Сейчас Германия, продолжает Каутский, является наиболее близким к России режимом в Европе с политической точки зрения, в то время как по силе своего капиталистического развития она наиболее близка к Соединённым Штатам и поэтому представляет собой «смесь» двух стран. Обращение к оружию всеобщей политической забастовки в Германии возможно только в революционной ситуации, но именно это и должны понять профсоюзы. «Мы ждём революционных ситуаций и для Германии», – пишет Каутский в статье «Последствия победы Японии и социал-демократия». В этот момент забастовка будет рассматриваться как один из возможных моментов революционного процесса, но в рамках широкого и чётко сформулированного политического действия, возглавляемого партией.

По вопросу о всеобщей забастовке Каутский через *Neue Zeit* вступил в острую полемику с центральным органом партии газетой *Vorwärts*, приведшую к отставке главного редактора последней Курта Эйсснера.

В статье «К съезду партии», опубликованной к Йенскому съезду (сентябрь 1905 г.), Каутский рассматривает значение Русской революции. Он подчёркивает, что «промышленный пролетариат» представляет собой «самую мощную движущую силу», и проводит сравнение с Парижской коммуной: «Она, несмотря на эпизодическое проявление силы социалистического пролетариата, положила конец эпохе буржуазных революций в Европе. Русская революция, несмотря на свой буржуазный характер, представляет собой начало эпохи пролетарских революций, к которой мы идём». По этой причине даже в Германии была необходима дискуссия о применении массовой политической забастовки. Каутский упоминает здесь тезис, который он будет развивать и в дальнейшем: теперь именно Восток открывает революционный путь для Запада.

Люксембург и Русская революция 1905 года

Роза Люксембург также помещала в центр своих размышлений Русскую ре-

волюцию. В статье «Массовая стачка, партия и профсоюзы» (1906) она цитирует отрывок из «Бакунистов за работой» Энгельса, критическая аргументация которого, как она комментирует, «полностью соответствует масштабу анархистской теории всеобщей забастовки, то есть теории всеобщей забастовки как средства начала революции». Однако теперь, заявляет Люксембург, Русская революция 1905 г., когда массы впервые применили забастовку, типичное оружие пролетариата, открыла «новую эру в развитии рабочего движения» и заставляет подвергнуть аргументы Энгельса «радикальному пересмотру». По её словам, на самом деле «массовая забастовка, как показывает нам Русская революция», является уже не одним из возможных моментов революционного процесса, а «формой революционной борьбы», «способом движения пролетарской массы, формой проявления пролетарской борьбы в революции».

Здесь проявляется склонность люксембургской концепции к спонтанности, то есть чрезмерному доверию к революционному давлению масс, что ведёт к недооценке сути организации, которую Люксембург воспринимала как результат, а не предпосылку революционного процесса. Это будет сутью её спора с Лениным по поводу роли партии. И её идея «организационно-процесса» заслужит упрек в объективизме, обесценивающим сознательное и организованное действие.

Роль субъективного элемента в историческом процессе является узловым вопросом, над которым Люксембург глубоко задумывалась, о чём свидетельствует её письмо Каутскому от 13 июля 1900 г., в котором она выражает свои мысли, возникающие у неё во время поездки мимо Рейнского водопада: «[...] каждый раз [...], когда я [...] вижу это величественное зрелище, [...] сердце замирает и что-то говорит во мне: там враг. Вы поражены? Конечно, это враг человеческого тщеславия, которое о себе такого высокого мнения и вдруг оказывается ничем. [...] и человек со своей волей, умением, знанием становится таким ненужным». Люксембург как будто восстаёт против этого фатализма: «Поэтому я ненавижу такую философию [...] и остаюсь при убеждении, что лучше броситься в Рейнский водопад и исчезнуть в нём, как скорлупа, чем дать ему и дальше шуметь, мудро покачивая головой, как он шумел при наших предках и будет шуметь после нас»². Но, несмотря на то, что Люксембург не была обделена волей к действию, эта склонность была очень далека от ленинистской концепции партии-плана, сочетающей в себе стратегию и организацию.

Однако это не значит, что Люксембург отрицала роль партии в классовой борьбе. Ведь, по её мнению, один из уроков Русской революции 1905 г., когда «всё политическое руководство [...] находилось в руках социал-демократической организации», состоял в следующем: «Родина Бакунина должна была стать могилой его учения». Затрагивая вопрос об отношениях между партией и профсоюзами, Люксем-

бург утверждает, что политическое руководство должно находиться в руках первой, чтобы обезопасить революционную стратегию от ревизионистских тенденций тред-юнионизма.

Йена и Мангейм

На Йенском съезде в сентябре 1905 г. Август Бебель выступил против ревизионизма, и партия одобрила его резолюцию, в которой всеобщая забастовка признавалась «одним из наиболее эффективных средств» защиты всеобщего избирательного права и тем более всеобщей классовой борьбы.

Каутский связывает Дрезденский (1903) и Йенский съезды, развивая при этом иллюзию, будто первый победил теоретический ревизионизм, а второй – профсоюзы. В августе 1906 г. он опубликовал статью «Партия и профсоюз», в которой отмечал, что профсоюз «представляет прежде всего интересы только своих членов», а партия – «интересы всего пролетариата», что «профсоюзное движение само по себе это движение без конечной цели» и, наконец, что задачей каждого социал-демократического профсоюзного деятеля должна быть «борьба за партию в профсоюзе».

Борясь с влиянием профсоюзов, Каутский подвергся нападкам со стороны Фридриха Штампфера, который обвинил его в предательстве Русской революции, отказе от прямого действия в форме всеобщей забастовки в Германии. В ответ Каутский в статье «Моё предательство русской революции» упрекает Штампфера в «волютаризме»: «Революции не могут быть сфабрикованы», и «только те, кто не верит в скорый мировой перелом», подобно Штампферу, могут проявлять «детское» нетерпение, что приводит к нереалистичным прихотям.

Но итоги следующего Мангеймского съезда (сентябрь 1906 г.) касаются уже не только способа понимания всеобщей забастовки, но затрагивают решающий вопрос о политической автономии социал-демократии, смещая центр тяжести отношений между партией и профсоюзами в пользу последних. Ревизионистскому течению Бернштейна и Давида, проповедовавших «социальное умиротворение», к которому призывали профсоюзы, благоприятствовало расширение рабочего протеста. Каутский попытался отстоять приоритет политического руководства со стороны партии, но его предложение было отвергнуто. Мангеймский съезд постановил, что партия должна принимать принципиальные решения по согласованию с профсоюзами.

Этот вопрос носил не только академический характер. В те годы империалистическое созревание ведущих держав подготавливало почву для мировой войны, которая поставила перед политической организацией класса задачу перевести империалистическую войну в революцию.

Lotta comunista, февраль 2024 г.

1 – 9 января по Юлианскому календарю.

2 – Люксембург Р. Письма к Карлу и Луизе Каутским (1896–1918 гг.). М.: Красная новь, 1923. С. 52–55.

Империалистические мутации немецкого социализма

В статье «Империализм и раскол социализма» (1916) Ленин писал: «Империализм, как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне к 1898–1914 гг. Войны испано-американская (1898), англо-бурская (1899–1902), русско-японская (1904–1905) и экономический кризис в Европе 1900 года – вот главные исторические вехи новой эпохи мировой истории»¹.

В рассматриваемый нами период – начало XX века – немецкая социал-демократия была захвачена вихрем империалистического становления Германии и её стремительного превращения в великую державу.

Империалистическое созревание и социал-демократия

Национальная основа социал-демократической идеологии – которая в условиях задержки объединения Германии нашла выражение в лассальянстве – вновь пробилась на поверхность, будто подземная река, когда Германия начала

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В 1871–1912 ГГ.

Год	Абсолютное число голосов	%	Кол-во мест в парламенте
1871	101.927	3,1	2
1874	351.670	6,8	9
1877	493.447	9,1	12
1878	437.158	7,6	9
1881	311.961	6,1	12
1884	549.990	9,7	24
1887	763.128	10,1	11
1890	1.427.298	19,7	35
1893	1.786.738	23,3	44
1898	2.107.076	27,2	56
1903	3.010.771	31,7	81
1907	3.259.020	29,0	43
1912	4.250.399	34,8	110

Источники: Меринг Ф., «История германской социал-демократии»; Schröder W. H., «Sozialdemokratische Reichstagskandidaten 1898–1918: Eine Kollektivbiographie»

утверждать себя на арене *Weltpolitik*.

Уже во время англо-бурской войны немецкая социал-демократия была дезориентирована: не всегда она могла отличить собственное противодействие британской грабительской войне от простого сочувствия антибританской политике кайзера в Африке. В статье «Война в Южной Африке» в *Neue Zeit* Карл Каутский писал: «Тот факт, что вся международная социал-демократия, если судить по народным демонстрациям, встала на сторону буров, вполне оправдан, а то, что мы оказались в компании французских, немецких и русских шовинистов, для нас, конечно, очень неудобно и неприятно».

Ревизионисты вроде Рихарда Кальвера на страницах откровенно социал-империалистического *Sozialistische Monatshefte* открыто отстаивали интересы германской державы в Африке: «Как немецкий социалист, – писал Кальвер по поводу Первого марокканского кризиса, – я предпочитаю, чтобы Германия шла во главе экономического прогресса»; «Германия не могла молча смириться с

несправедливостью и неуважением со стороны Франции и Англии».

Общенациональная кампания «в защиту отечества», сопровождаемая решительным курсом на перевооружение, приучала массы к самой идее войны. Морской закон 1900 года изменил соотношение сил с Великобританией: если раньше на один немецкий военный корабль приходилось два английских, то теперь соотношение изменилось на два к трём.

В 1900 году по случаю экспедиции в Китай для подавления Боксёрского восстания кайзер Вильгельм II, обращаясь к отправляющимся в путь частям, заявил: «Слава гуннов Аттилы живёт и спустя тысячу лет», и пусть «ни один китаец не осмелится косо взглянуть на немца в течение следующих тысячи лет».

«Тоттенотские» выборы

Что касается противодействия войне, то, борясь с прусским милитаризмом, социал-демократия унаследовала демократические традиции, которые в большинстве случаев свелись к обобщённому пацифизму. Поэтому социал-демократический антимилитаризм часто игнорировал классовый и революционный смысл противодействия войне, о чём свидетельствуют антивоенная позиция Эдуарда Бернштейна, выраженная в пробританском ключе, или линия Курта Эйслера.

Приверженность мелкобуржуазного общественного мнения идеологии германского империалистического подъёма усилилась в результате изоляции, в которую попала Германия после Первого марокканского кризиса 1905 года, а также на фоне ожесточённых споров о том, какую позицию следует занять перед лицом восстаний племён гереро и нама (так называемых «готтенотов») в Германской Юго-Западной Африке.

Когда весной 1904 года началась колониальная война, Август Бебель и социал-демократическая фракция в парламенте подвергли жёсткой критике политику рейха в Африке и систематическое истребление коренного населения, отказавшись голосовать за выделение кредитов на военную кампанию.

В ответ, в конце 1906 года, канцлер Бернхард фон Булов распустил рейхстаг и развернул ожесточённую кампанию против социал-демократии, заклеив её как антипатриотическую силу и «врага рейха». Таким образом, как отмечает историк Массимо Сальвадори, «выборы 1907 года превратились в плебисцит о будущем Германии как великой державы и о её глобальной роли. Это были первые шаги социал-демократии [...] под давлением объединяющей силы современного империализма».

Выборы 1907 года

С момента отмены Исключительного закона против социалистов в 1890 году, когда партия удвоила результат выборов 1887 года набрав более 1,4 млн голосов, социал-демократия переживала непрерывный электоральный подъём вплоть до крупной победы 1903 года, когда она преодолела порог в 3 млн голосов.

На выборах 1907 года абсолютное число голосов достигло почти 3,3 млн. В разгар национал-патриотической кампании против партии социал-демократия сумела в основном удержать свой электорат: её доля упала лишь с 31,7 до 29,0 %. Однако сплочённый альянс

консерваторов, национал-либералов и прогрессистов лишил партию почти половины мест в рейхстаге – количество мандатов сократилось с 81 до 43.

Таким образом, голосование 25 января 1907 года было воспринято как поражение и стало отправной точкой ожесточённой внутренней дискуссии о причинах неудачи. Парламентский кретинизм, сводивший весь политический анализ к подсчёту мест в рейхстаге, ставил количественный результат выше стратегической позиции по ключевым вопросам, таким как война и империализм.

Руководство партии связывало поражение, в частности, со страхом, вызванным Русской революцией, и с подъёмом националистических настроений, являвшихся выражением колониализма и империализма.

Ревизионистское крыло обрушилось с критикой на так называемых «радикалов», заявляя, что если социал-демократия хочет продвигаться вперёд, она должна глубже интегрироваться в «национальную реальность». Бернштейн не опустился до уровня Кальвера с его явной апологией силовой политики Вильгельма, но подверг критике позицию Бебеля по колониальному вопросу, которая, по его мнению, изолировала партию, и выразил сожаление по поводу того негативного влияния, которое антиревизионистская кампания оказала на общественное мнение. В интервью *Vorwärts* он нападал, в частности, на Каутского, «хранителя ортодоксального марксизма».

Роза Люксембург, напротив, отмечала, что эти выборы можно считать поражением лишь в рамках узкой парламентской логики: изоляция социал-демократии в условиях подъёма империалистического национализма, напротив, служила свидетельством её интернационалистской позиции.

«Дело Носке»

В феврале 1907 года молодой Карл Либкнехт опубликовал брошюру «Милитаризм и антимилитаризм» – за которую ему впоследствии было назначено 18 месяцев тюремного заключения. В ней он разоблачал немецко-прусский милитаризм в его двойственной сути: как инструмент внешней империалистической экспансии и одновременно внутреннего классового подавления.

Бебель не разделял антимилитаристских взглядов Либкнехта. А в ходе парламентских дебатов по военному бюджету в апреле 1907 года социал-демократия, похоже, прежде всего стремилась опровергнуть обвинения в антипатриотизме. Густав Носке, будущий палач спартакистов, с рвением взял на себя роль защитника: «Я, как социал-демократ, согласен с господином военным министром, когда он говорит, что немецкие солдаты должны иметь лучшее оружие». Он также добавил, что «весь немецкий народ [...] заинтересован в военных учреждениях, необходимых для защиты [...] отечества». Против Носке с жёсткой критикой выступили левые на страницах *Leipziger Zeitung* под редакцией Франца Меринга. Бернштейн, напротив, начал защищать Носке от имени ревизионистов.

Каутскианская тактика

В статье 1905 года «Патриотизм, война и социал-демократия», посвящённой

Первому марокканскому кризису и ускорению перевооружения, Каутский утверждал, что, хотя пролетариат в Германии ещё не имел сил предотвратить войну, «во всех капиталистических государствах он был уже достаточно силён для того, чтобы каждая вредная, тщетная война стала исходным пунктом революции, которая установила бы пролетарский режим и тем самым открыла бы путь к развитию, ведущему к вечному миру». Если оставить в стороне кантовскую формулу, то Каутский как будто предвосхитил линию, выражённую в резолюции Ленина – Мартова – Люксембург на последовавшем вскоре Штутгартском съезде. Он также подчёркивал, что «различие между наступательной и оборонительной войной [...] весьма сомнительно» и, во всяком случае, «слишком формалистично». Важна «не форма», а империалистическое «содержание».

Однако в статье 1907 г. «Патриотизм и социал-демократия» в *Leipziger Volkszeitung* уже проявляется определённая – пока ещё тактическая – двусмысленность его позиции, зажатой между революцией и демократическим пацифизмом. Каутский уже не говорил о войне как о детонаторе революции, но поддерживал тезис о том, что социал-демократия, борющаяся за предотвращение конфликта, будет всё больше завоевывать «доверие масс [...] по мере того, как война будет становиться всё более продолжительной, вызывая всё большие страдания и жертвы»: «чем дольше длится война, тем больше массы будут нас слушать». Поэтому партии следовало дожидаться «конца войны» и подготовиться к «большим успехам».

Штутгартский съезд

Штутгартский съезд II Интернационала в августе 1907 года поставил на повестку дня вопросы империалистической войны и колониализма. Немецкая партия – за исключением левого меньшинства – покинула съезд, «зареккомендовав себя как партия, наиболее чувствительная к опасностям показаться антинациональной», как указывает Сальвадори. Каутский решительно выступил против Эдуарда Давида, поддержавшего необходимость выработки «социалистической колониальной политики» ради её «цивилизационного влияния». Что касается войны, Каутский спорил с Бебелем по поводу различия между оборонительной и наступательной войной, указывая, что для пролетариата это ложная альтернатива, поскольку «в случае начала войны, она в действительности становится для нас не национальной, а интернациональной проблемой».

В итоге съезд принял резолюцию, предложенную Лениным, Розой Люксембург и Мартовым, – о революционной оппозиции империалистической войне. Но в Германии она так и останется мёртвой буквой перед лицом мирового конфликта, а Штутгартский съезд, как покажет дальнейшее развитие событий, поворотным моментом для укоренения в немецкой партии национальных и социал-империалистических тенденций.

Lotta comunista, март 2024 г.

Теория и практика

Кроме ревизионизма, наступление на марксистскую теорию в немецкой социал-демократии приняло форму так называемого «практицизма» Игнаца Ауэра, отражавшего потребности бюрократического аппарата, который под руководством Фридриха Эберта и давлением профсоюзов с 1906 года всё глубже попадал в зависимость от электоральных успехов и реформизма.

Карикатура на теорию

По словам историка Ганса-Йозефа Штайнберга (*“Il socialismo tedesco da Bebel a Kautsky”*, 1979), «история социал-демократии между 1890 и 1914 годами – это история эмансипации от теории вообще». Парадоксально, но именно немецкая партия, достигшая передовых позиций в теории, пришла к обесцениванию её роли и даже противодействию ей.

Штайнберг приводит карикатуру 1910 года, изданную в сатирической газете *Der Wahre Jacob* с подписью «Теория и практика», в которой это презрение к теории было отражено с наиболее очевидностью. На первой картинке марксистские и ревизионистские теоретики атакуют капитализм в образе чудовища. Радикалы – Роза Люксембург, Карл Каутский и Франц Меринг – пытаются ткнуть чудовищу в пасть остриём перьевой ручки, а Бернштейн и его окружение осторожно приближаются к нему сзади. На заднем плане за всем этим наблюдают рабочие. Подпись гласит: «Ревизионисты: “Медленнее, медленнее! Сначала аккуратно отрежем ему хвост, затем постепенно вытащим все его внутренности, чтобы он ничего не заметил”. Радикалы: “Давайте мужественно и изо всех сил вонзим наше смертоносное копьё ему в пасть, а затем выдадим это за естественную необходимость». На второй картинке монстр поворачивается и ломает копьё радикалов, а ревизионисты в страхе отступают. Тем временем на сцену выходят рабочие и на третьей картинке убивают монстра своими орудиями труда, а теоретики стоят на заднем плане. «В этой карикатуре предлагается отказ от теории как директивы для партийной практики», – комментирует Штайнберг.

Презрение к теории, или, точнее, требование отделить её от практики и противопоставить ей, представив теорию как бесплодное и абстрактное упражнение, Игнац Ауэр продемонстрировал ещё в 1899 году на Ганноверском съезде, в ходе дискуссии вокруг ревизионизма Бернштейна: «Я не могу быть таким марксистом, каким требуют отовсюду, так как с моими интеллектуальными способностями я не сумею сориентироваться во всём, что написано под общим названием “марксизма” (смех). Во всех этих вещах я не слишком продвинулся, используя диалектический метод, или как он там называется: тут чёрное – это белое, белое – чёрное, а в высшем единстве всё сливается в серую кашу, от которой зрение только мутится».

Практика как тактика

Саркастичность Ауэра, который, по словам современников, на самом деле неплохо разбирался в теории, была не более чем политической попой. Штайнберг пишет: «Презрение к теории, сопротивление попыткам придать практической деятельности теоретическое обоснование должны рассматриваться прежде всего как выражение сознательной тактики интеграции [в буржуазный порядок]».

Прикрываясь актуальностью практических вопросов развития партии – прежде всего её бюрократического, профсоюзного

и электорального аппаратов, – “практицизм” Ауэра отодвинул теорию на второй план, объявив как вещь второстепенную, несущественную и отказавшись от фундаментальной связи между стратегией и тактикой, между теорией и организацией.

Нетерпимость к теории проявлялась даже по отношению к попыткам Бернштейна опровергнуть марксизм: «Эдуард, ты осёл. Эти вещи не пишутся, они делаются», – как то сказал ему Ауэр. Тем не менее именно ревизионизм с его реформистскими результатами стал идеологическим оформлением оппортунизма, в то время как настоящей мишенью “практицизма” являлась революционная теория Маркса. Более того, пользуясь своим влиянием в партийном аппарате, Ауэр фактически обеспечил ревизионизму прикрытие. В 1901 году Парвус писал Каутскому: «Без Ауэра Бернштейн никогда не смог бы продержаться так долго».

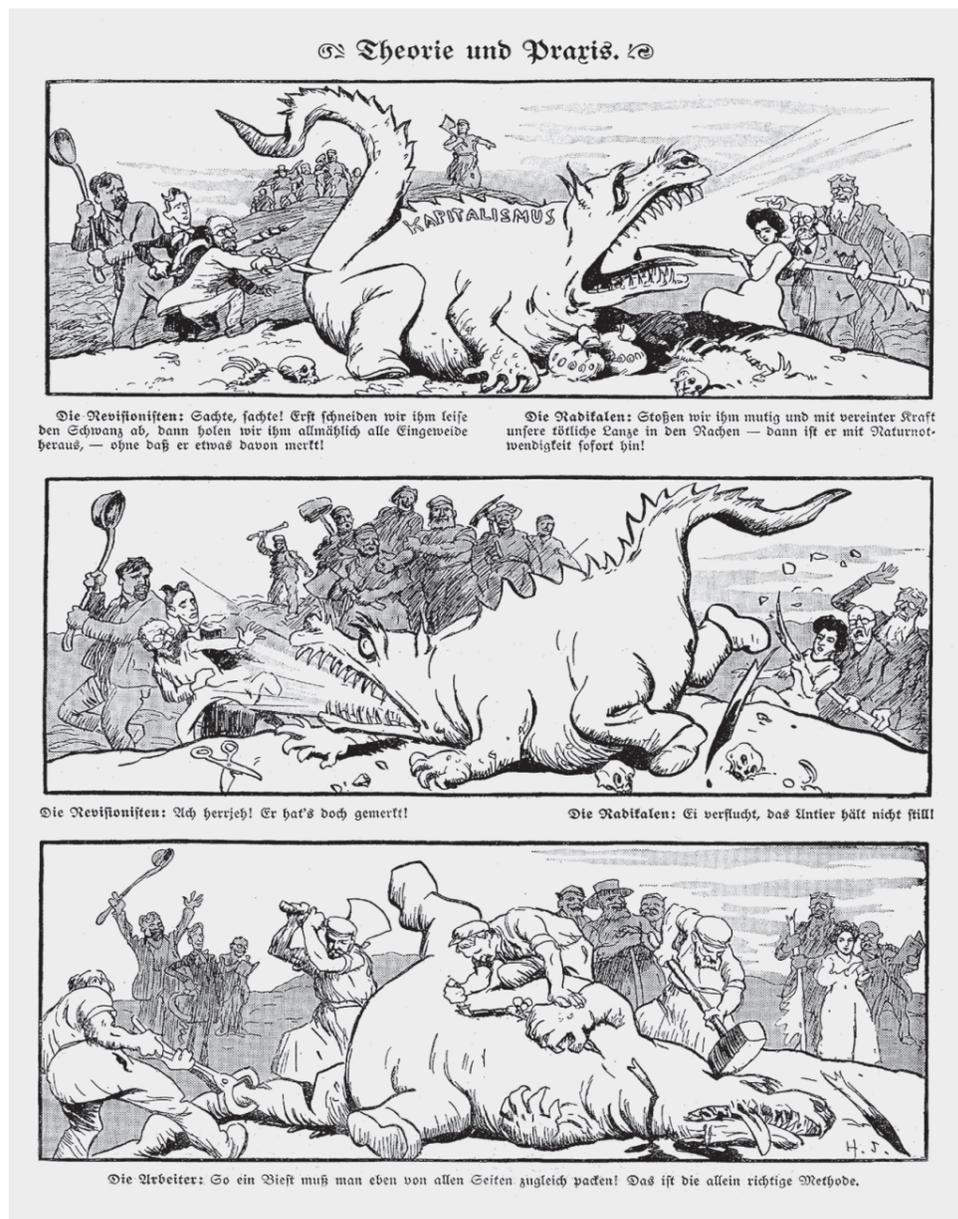
С другой стороны, “теоретикам” не удалось утвердиться в качестве политических и организационных лидеров. Арриго Черветто на национальной конференции Lotta comunista 1979 года говорил, что второе поколение марксизма «не смогло применить теорию на практике» и «все в итоге скатились к ревизионизму», даже Каутский и Бернштейн.¹

Олицетворением социал-демократической бюрократии стал Фридрих Эберт, который стал секретарём партии в 1905 году в возрасте 34 лет, а после смерти Бебеля в 1913 году – председателем партии. Ещё в 1911 году, с одобрения Августа Бебеля, его кандидатура была выдвинута против Гуго Гаазе на пост преемника, при поддержке Карла Легина и профсоюзного руководства. Эберт, бывший шорник, ещё в юности ставший партийным активистом, выделялся своими практическими навыками. Он внедрил в партию современные методы организации: телефон, стенография и пишущие машинки. Историк Карл Шорске пишет о нём: «Непроницаемый, холодный, решительный, трудолюбивый и очень практичный, Эберт обладал всеми качествами, которые, *mutatis mutandis*, сделали бы из него Сталина социал-демократии» (*“German Social Democracy, 1905–1917”*, 1955).

Империалистическое созревание и партия

Чтобы понять парадокс возникновения “практицизма” в партии, которая некогда была оплотом теоретической мысли, необходимо обратить внимание на его материальную основу: превращение Германии в великую державу и, прежде всего, беспрецедентное – в том числе и на теоретическом уровне – империалистическое созревание.

Но необходимый акцент на объективных условиях сразу ставит перед нами вопрос о партии. Черветто в “Тетрадах по стратегии”² приводит размышления Энгельса о развитии рабочей аристократии в передовых капиталистических метрополиях. В письме к Марксу от 7 октября 1858 года Энгельс так комментирует отстаиваемый Эрнестом Джонсом союз между чартизмом и радикальной буржуазией: «Мне кажется, впрочем, что новый ход Джонса, в связи с прежними более или менее успешными попытками такого союза, в действительности объясняется тем, что английский пролетариат фактически всё более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, ко-

торая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно»³.

Актуализируя это размышление в XX веке, Ленин пишет в “Империализме...”: «Получение монопольно-высокой прибыли капиталистами одной из многих отраслей промышленности, одной из многих стран и т. п. даёт им экономическую возможность подкупать отдельные прослойки рабочих, а временно и довольно значительное меньшинство их, привлекая их на сторону буржуазии данной отрасли или данной нации против всех остальных. И усиленный антагонизм империалистских наций из-за раздела мира усиливает это стремление. Так создаётся связь империализма с оппортунизмом, которая сказала раньше всех и ярче всех в Англии благодаря тому, что некоторые империалистические черты развития наблюдались здесь гораздо раньше, чем в других странах»⁴.

Главный вопрос состоит в следующем: неизбежно ли, что партия, как в случае с немецкой организацией, оказывается во власти идеологий и социальных практик империалистического созревания? Подобное объективистское объяснение, к примеру, предлагалось в интерпретации провала революции в Германии, в противоположность успеху в менее развитой России.

Черветто отмечает, что Маркс в переписке «не комментирует и не повторяет “социологические” оценки Энгельса»: «Суждение Маркса, в том числе и о Джонсе, всегда субъективно. Он никогда не рассматривает объективные причины, а смотрит на субъективные, т. е. идеологические, проблемы. Маркс всегда подчёркивает проблему идеологических влияний и никогда не рассматривает объективные причины этих проблем,

определяющие политическое и идеологическое поведение».

По мнению Черветто, «теория рабочей аристократии, выдвинутая Энгельсом», должна быть связана с «проблемой партии». Объективный процесс империалистического созревания может объяснить пассивность и подчинённость масс, но не обязательно вырождение самой партии. В “Тетрадах” Черветто выступает против «теоретиков отсталости» и «термондистов», защищая тезис о возможности создания революционного меньшинства в метрополиях, достигших империалистической зрелости. Влияние буржуазных идеологий на рабочую партию на самом деле не устраняет действительных противоречий капитализма, которые с ещё большей ясностью выступают при осознании международных фактов. Однако, чтобы их осознать, необходима борьба на теоретико-научном фронте. Это урок “Что делать?” Ленина: «[...] без революционной теории не может быть и революционного движения»⁵.

Lotta comunista, май 2024 г.

1 – Cervetto A. Opere. Vol. 17: Relazioni 1978–79. Milano: Lotta Comunista, 2016.

2 – Cervetto A. Opere. Vol. 7: Quaderni. Strategia e marxismo. Milano: Lotta Comunista, 2019.

3 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 29. С. 293.

4 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 27. С. 423–424.

5 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 2. С. 462. Ленин повторяет тезис Плеханова: «[...] без революционной теории нет революционного движения в истинном смысле этого слова» (Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба // Сочинения. В 24-х т. Т. II. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. С. 71).

Доктринёрство второго поколения

Если признать, что именно осознание фактов международной политики является фундаментом стратегии, то «Путь к власти» (*Der Weg zur Macht*) Карла Каутского, написанный в 1909 году, по-прежнему можно считать частью марксистского наследия и вкладом в борьбу против оппортунизма. В этой работе опровергаются тезисы из сочинения Эдуарда Бернштейна «Международная политика социал-демократии» (*Die internationale Politik der Sozialdemokratie*), опубликованного в мае того же 1909 года в *Sozialistische Monatshefte* – органе откровенно социал-империалистического направления.

Единство и раскол империализма

Всего за несколько лет до начала первой мировой войны Бернштейн провозглашал наступление кантовского вечно мира, который, по его мнению, должен утвердиться благодаря развитию капиталистического рынка. Угроза войны, в его представлении, – не более чем искажение естественных и объективных тенденций мирового хозяйства: «Экономическое развитие наций должно углубить их вражду – какое противоречие! [...] Взгляд на развитие торговых отношений между развитыми странами показывает, насколько ошибочны подобные идеи. Наиболее развитые в промышленном отношении страны являются одновременно конкурентами и клиентами друг друга, и по мере усиления конкуренции между ними укрепляются и взаимные связи. [...] Эпоха, когда народы пытались подчинить друг друга, осталась в прошлом для Европы, и всё чаще это будет верно и для Азии. Мы вступили в новую эру, в эпоху утверждения международного права».

Каутский, напротив, в «Пути к власти» указывает на нарастание внутренних и международных противоречий, которые, по его мнению, предвещают эпоху войн и революций. В те же годы в *Neue Zeit* в статье «Реформа и революция» (*Reform und Revolution*) он атакует позиции Бернштейна: «То, что «реформистам» кажется мирным переходом к социализму, есть лишь увеличение силы обеих противоборствующих сторон – классов, стоящих в непримиримой вражде друг против друга [...], так что переход к социализму означает вступление в период великой борьбы, сотрясающей всё существование государств, борьбы, которой суждено стать всё более могущественной и которая может закончиться только ниспровержением и экспроприацией класса капиталистов». В статье «Австрия и Сербия», посвящённой напряжённости на Балканах – той самой, что впоследствии втянет великие державы в прямое столкновение, – Каутский предупреждает, что подобные локальные конфликты грозят «спровоцировать мировую войну». Подобные конфликты, подчёркивает он, необходимо рассматривать в контексте империализма, «политика которого является выражением общего капитала всех крупных современных государств», а «острые противоречия» служат горячим материалом, способным превратить любой частный конфликт в глобальное столкновение.

Дарвинистский градуализм?

Однако всего через несколько лет, уже после начала войны, в сентябре 1914 года, Каутский публикует в *Neue Zeit* статью «Империализм» (*Der Imperialismus*), где представляет свои тезисы об «ультра-

империализме» – гипотезу о соглашении между империалистическими державами всего мира, которое, по его мнению, может устранить войны при сохранении капиталистического строя. В этой теории политика отделяется от объективных противоречий системы.

Широко распространено мнение, что Каутский стал главным теоретиком концепции, отказавшейся – под влиянием позитивистской философии – от революционного разрыва в пользу градуализма и эволюционизма, что он будто бы попытался скрестить марксизм и дарвинизм, отказавшись от диалектической гегельянской системы Маркса и Энгельса, ведь революционный марксизм опирается на Гегеля, а градуалистский реформизм – на Дарвина. Однако этот тезис, «который теперь стал стереотипом», как пишет Марек Вальденберг в биографии Каутского (*Wzlot i upadek Karola Kautsky'ego*, 1972), сводится к схематичному и абстрактному силлогизму, если игнорировать материальные условия, в которых эти теории обсуждались и оспаривались.

Маркс и Энгельс ясно выражали свою позицию по отношению к дарвинизму. Они приветствовали публикацию «Происхождения видов», признавая epochальное значение этой научной работы, разрушающей креационизм и телеологию. 19 декабря 1860 года Маркс написал Энгельсу: «Хотя изложено грубо, по-английски, но эта книга даёт естественносторическую основу для наших взглядов»¹. Энгельс защищал Дарвина от нападок Дюринга: в «Диалектике природы» он прямо отрицал тезис о несовместимости Гегеля и дарвинизма и ставил себе целью «показать, что теория Дарвина является практическим доказательством гегелевской концепции о внутренней связи между необходимостью и случайностью»². Однако вскоре Маркс и Энгельс подвергли критике попытки мальтузианцев (которых поддерживал сам Дарвин) и социал-дарвинистов использовать понятие «борьба за существование» для перенесения «законов жизни животных обществ на человеческое общество»³.

Наконец, сам Каутский, по-видимому, осознавал опасность карикатурных интерпретаций дарвинизма, особенно при попытке переноса его на почву социальных наук. В письме Бернштейну от 1891 года он подчёркивал необходимость различать дарвинизирующий социализм Фридриха А. Ланге и марксистский социализм. И трудно упрекнуть Каутского в том, что он не прорабатывал этот вопрос с достаточной теоретической глубиной.

Доктрина и реальное движение

Теоретическое вырождение II Интернационала нельзя объяснить исключительно ошибочным прочтением дарвинизма. Его причины следует искать в конкретных условиях политической борьбы, развернувшейся с наступлением империалистического XX века.

Мы уже видели, как отказ от теории принял форму так называемого «практицизма». С другой стороны, поколение Каутского оказалось неспособным связать теорию с реальным процессом, с новым и беспрецедентным стратегическим характером империализма.

Роберто Казелла в предисловии к нашему изданию «Что делать?» Ленина (серия «Библиотека молодых») приводит отрывок из «Нищеты философии», где

Маркс, критикуя теоретиков «утопического социализма», указывает на верный метод: «Но по мере того как движется вперёд история, а вместе с тем и яснее обрисовывается борьба пролетариата, для них становится излишним искать научную истину в своих собственных головах; им нужно только отдать себе отчёт в том, что совершается перед их глазами, и стать сознательными выразителями этого. До тех пор, пока они ищут науку и только создают системы, до тех пор, пока они находятся лишь в начале борьбы, они видят в нищете только нищету, не замечая её революционной, разрушительной стороны, которая и ниспровергнет старое общество. Но раз замечена эта сторона, наука, порождённая историческим движением и принимающая в нём участие с полным знанием дела, перестаёт быть доктринёрской и делается революционной»⁴. Эта «доктринёрская фаза», отмечает Казелла, соответствует «бунтарскому детству» социализма.

Второе поколение

Во II Интернационале, хотя и в изменившихся условиях, сохранялась особая форма догматизма: его теоретики, несмотря на знание марксизма, не смогли применить его к реальному движению, потеряв революционную связь между стратегией и организацией.

Роберто Казелла акцентирует внимание на фигуре Антонио Лабриолы, задаваясь вопросом, почему тот «так и не стал Плехановым итальянского рабочего движения». В отличие от Каутского, которому приписывают дарвинизм, Лабриола «был выдающимся теоретиком, который от Гегеля пришёл к диалектическому материализму». Однако его роднит с немецким теоретиком другое: «Он не был Плехановым, который бросился в гущу политической борьбы, чтобы достигнуть до людей нового поколения Ленина; в определённом смысле Лабриола превосходит тот самый оппортунизм в вопросах организации, который Ленин назовёт смертельной болезнью революционного движения. У Лабриолы это заболевание проявилось на более примитивной стадии, чем та, которую рассматривал Ленин. Это стадия капитуляции теории перед практикой». Лабриола отказался от издания научной газеты по немецкому образцу, считая, что в Италии создавать партию преждевременно, и в итоге остался лишь «профессориссимумом». Каутский, который долгие годы вёл теоретические баталии в защиту марксизма в своей газете *Neue Zeit*, перед лицом империалистической войны пришёл к центризму и занял выжидательную и, по выражению Ленина, филистерскую позицию.

Джованни Поджи в книге «Хроники милитанта» (*Cronache militanti*) сосредотачивает внимание именно на этом втором поколении марксизма: «Это поколение К. Каутского (род. в 1854 г.), Ф. Меринга (1846 г.) [...] и в Италии Антонио Лабриолы (1843 г.)». Как объясняет Поджи, «[почти] все [они] были скорее теоретиками, чем политическими лидерами партий, которые сформировались в фазе относительно мирного капиталистического роста, предоставлявшей достаточно возможностей для инвестиций, получения прибылей, колониальной экспансии и, как следствие, реформистской коррупции, как материальной, так и идеологической. Каутский, как и Бернштейн, хорошо знал

марксизм, но на уровне эрудиции, и, чтобы не плыть против господствовавшей тенденцией к реформизму и градуализму, они не проводили на практике общественную науку в её основном революционном аспекте. Неслучайно их наиболее весомым вкладом является систематизация и популяризация того, что уже было сказано или изложено классиками».

Это ключевой момент: огромные и беспрецедентные перемены эпохи империализма требовали развития теории, а не только её систематизации и пропаганды.

Стратегическая новизна

Доктринёрство Второго Интернационала, возникшего в тот момент, когда пролетариат уже имел в своём распоряжении науку, созданную Марксом и Энгельсом, уже не являлось болезнью «бунтующего детства», а представляла собой обмещивание теории, и, несмотря на формальное признание марксизма, фактически искажало его революционное содержание. Ярким примером этого была попытка немецкой социал-демократии применить подход Энгельса 1892 года, оправдывавший участие в оборонительной войне, к совершенно иным условиям новой, империалистической войны.

Только третье поколение марксистов – поколение Ленина, Розы Люксембург и Льва Троцкого – сумело, подобно Марксу и Энгельсу, вновь объединить в одном лице теоретиков и политических вождей. Ленин смог дать теоретический ответ на беспрецедентные вызовы империалистического развития, объединив на базе стратегии и организации партию, сделавшую возможным Октябрь.

В Германии же социал-демократия, захваченная империалистическим развитием, пережила теоретическое вырождение и вобрала в себя целый комплекс идеологических элементов из немецкой интеллектуальной традиции: от кантианства до национального вояжа и лассальянского этатизма.

Троцкистский историк Пьер Бруэ в книге «Революция в Германии» (*Révolution en Allemagne*) подчёркивает «тенденцию к движению в сторону национального социализма, в рамках которого материальное благосостояние рабочего оказывается связанным с процветанием бизнеса «собственных» капиталистов, где, следовательно, уровень жизни немецкого рабочего класса обусловлен открытием новых рынков, то есть в конечном счёте германской империалистической экспансией». Бруэ ссылается на германиста Шарля Англера, который определяет социал-демократическое течение, отождествляющее классовые интересы с интересами буржуазного государства, как «неолассальянское». В «Государстве и революции» Ленин, оглядываясь назад, делает важное наблюдение: «[В] самой его полемике с оппортунистами [...] мы замечаем теперь, когда изучаем историю новейшей измены марксизму со стороны Каутского, систематический уклон к оппортунизму именно по вопросу о государстве»⁵.

Lotta comunista, июль – август 2024 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 30. С. 102.

2 – Там же. Т. 20. С. 620.

3 – Там же. С. 622.

4 – Там же. Т. 4. С. 146.

5 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 33. С. 105